

День открытых окон 5

Стихи и переводы участников IV Московского
фестиваля университетской поэзии

Москва
2012

УДК 82-1
ББК 84Р7-5
Д34

Редколлегия:

Александра Бабушкина
Данила Давыдов
Екатерина Малова
Григорий Кружков
Лев Оборин
Анна Орлицкая
Юрий Орлицкий

Корректор Майя Руцкая

Дизайн обложки:

Анна Орлицкая
Татьяна Рассказова

*Издание осуществлено при поддержке
Управления по работе со студентами РГГУ.*

*Ознакомиться с предыдущими выпусками альманаха
можно на сайте: <http://student.rggu.ru/magazines/>*

День открытых окон 5: Стихи и переводы участников IV Московского фестиваля университета поэзии. – Москва, 2012. – 128 с.

ISBN 978-5-90363017-2

В пятый выпуск альманаха вошли стихи и переводы участников IV Московского фестиваля университета поэзии, который прошел 28–30 октября 2011 года. В сборнике представлены молодые поэты из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода, как начинающие, так и уже имеющие определенную известность в региональных и столичных литературных кругах. Первые в альманахе представлен раздел «Переводы». Завершает книгу аналитическая статья главного редактора альманаха Анны Орлицкой, где подводятся итоги первых пяти лет существования издания и обсуждаются перспективы развития проекта.

ISBN 978-5-90363017-2

© День открытых окон 5, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей	5
СТИХИ	
Анастасия Каменева	9
Дмитрий Дзюмин	12
Анна Лазарева	15
Никита Сунгатов	18
Анастасия Сидорова	21
Ростислав Амелин	25
Александра Демакова	28
Кирилл Широков	31
Алла Зиневич	35
Галина Рымбу	37
Егор Сальников	41
Екатерина Малова	43
Анастасия Строкина	45
Александра Соболева	47
Фания Галямугинова	49
Галина Лобанова	51
Максим Маркевич	56
Денис Безносов	62
Артем Филатов	69
Анна Орлицкая	74
Лев Оборин	79
Александра Бабушкина	83
Екатерина Захаркив	88
Евгения Коробкова	91
Татьяна Мурашова	95
Сергей Сдобнов	97
Ольга Туркина	98
Сергей Гейченко	103
Юрий Угольников	102
ПЕРЕВОДЫ	
Денис Безносов	105
Анастасия Строкина	111
Юрий Угольников	116
Анна Орлицкая. Страх полукруглых дат	119
Сведения от авторов	124

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

Пятый выпуск альманаха «День открытых окон» по традиции представляет читателю тексты участников очередного Фестиваля университетской поэзии, на сей раз четвертого, который проходил в Москве с 28 по 30 октября 2011 года.

Идея фестиваля возникла четыре года назад в стенах Российского государственного гуманитарного университета, где с февраля 2007 года в рамках творческого объединения «Литературный Проект» проводились встречи молодых поэтов и прозаиков. В число постоянных партнеров объединения, принимающих активное участие в организации и проведении фестивалей, входят Независимая литературная премия «Дебют», проект «Культурная Инициатива» и Управление по работе со студентами РГГУ, благодаря которому стало возможно издание этого выпуска альманаха «День открытых окон».

Мероприятия IV Фестиваля университетской поэзии прошли в московских литературных клубах «ExLibris» и «Проект ОГИ», а также в Российском государственном гуманитарном университете. На заключительных чтениях в «Проекте ОГИ», помимо молодых поэтов, выступили авторы старшего поколения: Игорь Жуков, Григорий Кружков, Алексей Прокопьев и Юрий Орлицкий. Победителями прошедших уже во второй раз в рамках фестиваля «конкурсных» чтений стали Татьяна Мурашова, Евгения Коробкова и Сергей Сдобнов. Специальные призы от издательства «Огурчки-Помидорчики» – возможность выпустить авторский поэтический сборник эксклюзивным тиражом 20 экземпляров – получили Екатерина Захаркив и Евгений Ухмылин.

Главным нововведением фестиваля стала I научно-практическая конференция молодых филологов, литературных критиков и переводчиков «Современная русская литература: истоки, перспективы, параллели», на которой прозвучало более 10-и докладов на самые разные темы, касающиеся русской поэзии XX–XXI веков, а также поэтические переводы. Некоторые из них опубликованы в соответствующем разделе альманаха.

Завершает пятый – «полубилейный» – выпуск аналитическая статья главного редактора альманаха Анны Орлицкой, где подводятся итоги первых пяти лет существования издания и фестиваля и обсуждаются перспективы развития проектов.

Редколлегия

СТИХИ

АНАСТАСИЯ КАМЕНЕВА

Офелия

*Вот розмарин, это для воспоминания; прошу вас,
милый, помните; а вот троицын цвет, это для дум.
(«Гамлет», акт IV, сцена 5)*

дай мне офелия дай мне таких трав
чтобы рыдала потоком и пела в груди вода б
чтобы плакала ива и рукава намокал край
дай офелия дай

дай мне трав офелия горло мне полечи
если уж в поликлинике не помогли врачи
веришь ли хочется петь а в гортани засел хрип
вылечи мой грипп

скучно поди и холодно лежать на озерном дне
встань офелия и приходи ко мне
белой своей рукою горького вина мне налей
пей и рыдай офелия пой и рыдай и пей

* * *

если перечислять все гласные русского языка
среди них в конце окажется та самая что
укажет на тебя пальцем выхватит из толпы
вырвет тебя из контекста повернет вспять

то что увидишь будет знакомо тебе лучше чем
собственный дом занавески в нем ступ кровати
в тебе такая же комната как и вокруг тебя
ты знаешь ее ты возвращаешься в нее всегда

не бойся чувствуй себя как дома хозяином в нем будь
садись за стол лист бумаги придвинь и лампу зажги
пиши буквы подряд складывай их в слова
не волнуйся это не более чем черновик

зацветают травы их не осмеливается рука

А. Маниченко

по углам головы полынь и бурьян
в середине прорастает цикорий
занесло в мою голову с дальних стран
где холмы беседка и море
столько семян бесполезных трав
опутали голову изнутри корнями
побеги выглядывают изо рта
слова осыпаются новыми семенами
эта как ее ритмизованная речь
верлибры подорожника и полыни
что ни утро так начинается
в голове как на дне этой-то котловины
где варили плов в мифические времена
а теперь поросло ковылем и еще не помню

вспоминной названия летних трав
как звали каждую в выгоревшем поле
вспоминай как пахнет полынь в степи
как бессмертник произрастает у моря
но в моей голове только сплошной бурьян
и отцветает цикорий

parliament platinum blue

я бросаю курить
и выдыхаю с тем
чтобы больше уже никогда не вдохнуть:
она такая горькая так горька

теперь если и нащупать в кармане зажигалку
только виновато улыбаться
тень былых празднеств и торжеств на лице
скорбное ощущение дистиллированного воздуха в груди

я не решусь затануться еще раз
отныне в каждом последующем вдохе
(мне) будет (ее) не хватать
горечи дыма

ДМИТРИЙ ДЗЮМИН

Элегия Дома и Тьмы

*

спокойствие разрушенных скамеек :

и странный дом на кладбище и в парке
принут безмолвия чужих и одиноких

[ПОМИНКИ ВЕТЕР ИГРЫ МУЗЫКАНТЫ]

БЕЖАТЬ – бежать покуда станут явью

ночные грезы будто бы из Данте

застынут над подавленным кварталом

и может звезды сердце мне сожгут

поминки ветер игры музыканты и существа идущие из пепла

плоды несущие в мерцающие рощи: березовые рощи и руины
о долго ли мне мучиться скажи? я прячусь в доме и смотрю на камни
могильные ты станешь вспоминать о твой принют о твой жилец могилы

полуразрушенный восстанет старый Фет

придет к тебе он в старую квартиру
и воздух вдруг развалится дырою и из дыры возникнет роза смерти
и ветер вдруг развалится на части как статуя в саду где музыканты
и музыканты вдруг развалятся и больше

И НИЧЕГО УЖ БОЛЬШЕ НЕ СПОЮТ!

*

в дыре живет прозрачная змея она кусает ночью всех подряд
и превращается в незримую березу

растущую на кладбище смоленском

забудь – забудь! тревожно отходи и думай о закате над невою

о том что *если буду я с тобою затопят нас безликие дожди*

и в серый воздух вознесется дом играя в запердельческие прятки
и учреждением в привычном распорядке

застынешь в одиночестве своем

*

и голубь замерзает на лету стремившийся заполнить пустоту
его внутри мерцающий кристалл самим собой внезапно не признал
о вечный *Дом Сляние и Путь кого* ты хочешь в бездне обмануть?
кого ты хочешь нежно погубить кого желаешь в гибель возвратить?
не думай Бог признайся обо мне что видишь нечто Мертвое во сне
признайся Бог что видишь звездный путь
но в тайне хочешь вечность обмануть
признайся что как будто Ты-не Ты а только тело тьмы и пустоты

Утреннее превращение в камень

всякое утро – песенка безумного барабанщика;
кунсткамерный остров; город костяных игрушек;
различных барометров и вопросительных знаков;
лодки спешат в астрал где бедные люди
строят железные башни

там же и птички поют
в мерцающих клетках
...«*возлюбленный друг* [надпись гласит]
сей мавзолеей изящных искусств
приглашает Вас посетить»
...рядом находится бар

предположим стоит человек
предположим сидит человек
предположим сидит на скамейке
предположим он исчезает
предположим читает он книгу
предположим он не – читает
предположим он смотрит в окно
предположим не – смотрит
предположим он в гости идет
и превращается в камень
и превращается в камень
и превращается в камень

Ожидать, падать, воскреснуть

памяти Кирилла Савицкого

жить без надежды; ожидать желтый автобус
на разрушенной остановке
видеть призрачные шлагбаумы на странных рассветах
ожидать покойников из черного зеркала
цепенеть в душном болоте видений

ожидать спасения или падать в глубокий колодец
обнаружить на дне чудотворные кости
склониться и плакать святым очевидцем проклятья

как если бы тысячи древних дорог привели
Вас к жестоким губам отрешенного Бога
и кинули в гибельный холод распятыя

АННА ЛАЗАРЕВА

* * *

Если скажем:
я загорожен словами,
словами-временем,
куда будет шаг назад?
На пути к своему
не окажешься ближе «к».
(неслоговой предлог – твоя остановка в пути).
Издалека
ты мне кажешь ся в шуме.
В стучке букв,
которым отсчитывается время.
Во сне-стучке заходишь за тело,
за корень из разности «i восьмеричной» и «фиты».
Заклятые числа
комбинируют пространство смыслов,
сгущают наш сон:
на темной сцене языка
представление времени.

М.Б.

на двух расстояниях
(которое дальше?)
царапины времени
въедаются в линии
свободные от близости
раз-вернувшиеся из общего
сна-которого-вдруг-не было
только слишком раннее утро
еще темный язык близкого мира
днем
время неравномерно
осталось в стенах
попало к чужим

позитивный предлог –
повод для нескольких слов
только изменяет пространство сна
в математическое.

* * *

1. поликратово счастье
найти в рыбе
смагдовую морскую звезду
геродотово счастье
найти девять муз
и пару счастливых знамений
имя в желудке рыбы
есть миф
его поверхность
стягивает изнутри
во время коротких обмороков
выпадает событие
которое не догнать
разжимаются пальцы
говори
говори со мной медленно
я в Тебе еле держусь
2. ты плохо видишь меня
пока не назовешь по имени
а когда ты станешь богом
совсем не отличишь наврное
у имени больше меня не будет
один из двенадцати – рыбак
вытащил добычу
рыба оказалась пуста

3.

я происхожу из руки
которая держит тьму вещей
разделенных внезапно
достаю мне время вложи его в руку
я буду искать его физическое воплощение
время плывет в рыбе – и рыба
становится смертной – по кругу
круг – это прямая в периоде
мнимое число – шар
сжимается
парадигма склонений времен года
замкнется словом
сожмется пальцами – сквозь них
время водой захлебнется
пройдет своим описанием

НИКИТА СУНГАТОВ

* * *

жалко что горы птицы лучи цветы
не говорят тебе погоды постой
едешь куда на колеснице золотой
там за горой плачет морской водой
не получивший имени от рождества
слова и звука нет для того существа
только и это ты

остановись постой пусть злата она
отблески солнца рыбы дожди весна
все что ее составляет но это не
вечное, тоже сгорит в путеводном огне.
только то, что не названо, не умира

поэтому лучше молчи ничего не скажи не впрок
молись про себя помни что ты бог
верь и дыши и смотри на стол на часы на плащ
останови колесницу танцуй смейся беги кричи плачь

* * *

Самая страшная птица летит, летит.
Старшенький братик на ключ закрывает сундук.
А мне очень страшно, что будет, когда она прилетит.
А у нее большой клюв, она клювом ломает сундук.

Мама и дед и баба сидят в сундуке,
и младшенькая сестренка, и средненький я,
кошка, собака и куры – мы все в сундуке.
Птица летит и знает, что в доме живет семья.

Старшенький братик старше, он постоит за себя,
когда нас запрет в сундуке и отправится птицу встречать.
Старшенький братик срывает траву и кладет ее
в рот и на всякий случай в сапоги и в карман.

Старшенький братик прячет нас в семейный сундук,
пахнувший старой бумагой и пуховым платком.
Страшная птица не знает запаха – не найдет
среди пустых трехлитровых банок этот сундук.

Самая страшная птица летит, летит,
ищет бесхозный город и старый дом.
Самое страшное будет, когда она долетит.
Ничего страшнее не будет больше уже никогда.

Старшенький братик уходит с травой во рту,
плачет и улыбается как дурной.
Солнце светит, птица летит к нему,
оба не говорят и глядят друг другу в глаза.

Дымка стоит над землей, гудит стрекоза.

* * *

улету скоро, улету на большой ракете,
угоноу ее, сяду на борт без скафандра и шлема,
погоню ее на луну, у меня там родятся дети –
большеглазые коротышки, не знавшие хлеба,
а только из тюбика борщи, оливье и котлеты.
заберусь в лунный кратер, разыщу своим детям маму –
на мою она будет похожа, но молодая,
еще с незаконченным первым высшим образованием,
не состоящая в партии.

так мы сядем в своем числе на реголитную горку,
поглядим на землю, я расскажу, что там было –
что запомнил из курса истории, жалко, что плохо учился,
мог бы больше сказать, а скажу только мол да как бы.

«мы – естественный спутник земли, на земле живут люди,
или жили – забыл часы и не знаю время.
президент моего государства – владимир путин,
или дмитрий медведев, или кто-то еще третий.

на земле очень много цветов и больших деревьев,
всяких там людей и животных и прочих гадов,
на земле есть жиды и негры, пиндосы и гансы,
а еще – погляди вон туда – это мать городов русских,
это речка издалека и долго течет, ее имя – волга»

это к слову о том, что нам всем, всем советским и русским детям,
надо слушать маму, мыть руки и получать пятерки,
а не водку бухать на вписках с деятелями искусства.

так и скажет мне лунная мама, глазами смеясь, конечно,
не ругаясь – чего уж теперь, на кого здесь ругаться,
мы обнимемся крепко, как блудный сын и отец обнищавший,
а потом я отдам ей детей своих на воспитание,
и вприпрыжку пойду по горячей поверхности в школу с цветами.

но закончится лунный месяц – и мы исчезнем,
и проснемся в своих постелях, в своих одеждах,
я люблю свою маму, своих детей невозможных,
и свою далекую землю, свою землю.

АНАСТАСИЯ СИДОРОВА

Полое

Не оттого мы завидуем детям, что жизнь их длиннее нашей, что зубы вырастут новые, что волосы пахнут костром, что будет высокого роста с плечами в косую сажень и станет актером (что сразу понятно, коли глядеть востро); Не оттого, что у нас у самих спичечный жребий короток, и малая горстка хлебных решений в потьмах остается на выбор: а) жить с нелюбимым в коричневой однокомнатке, б) скорым в пять-сорок – Москва-Бологое-Выборг.

Но оттого мы завидуем детям, что им еще сравнивать не с чем: все-то впервые во влажных зрачках округло отражено. Им совершенно необходимо помнить и знать про жребий, про поезд, на север ушедший, в кармане с чужой женой, про чёт и нечет,

Архыз

1. Никогда еще раньше не выпитый залпом стакан на разлив вина, выбежать в синее настезь, нарочно забыть берет, голову молча ввысь опрокинуть, всем телом обнять чинар – первая в жизни поездка в горы. Пятнадцать неполных лет.

Зябко и радостно пальцы дрожат у раскрытых по-рыбы уст. Гулко горбятся в соседстве обрывы, смертелен призыв реки. Пьяно расстрелян, меж ранами – страшно пуст черный и твердый соборный купол, неверию вопреки.

Ночью небо в Архызе уступчиво прихоти мысли, как может быть, не одна площадная румяная девка – чьему-то бесстыдному взору. Здесь не мешают ни тени домов, ни фонарные провода с дорогим собеседником тихому, сокровенному разговору.

II.

Отче сущий мой, нежь меня, рай меня сотней своих зрачков,
дай мне, как первенцу, имя, по-новому нареки.
Знал, что приду говорить с тобой так вот и плакать тебе о чем
буду, ища на ощупь шершавой твоей руки.

И нет у меня за спиною ни рода, ни правды, ни огненных городов,
ибо во всем необъятном лишь я да этот обрывок
первоначальной суши,
упершись ступнями в который так жарко, как будто
в горящий торф,
я буду рассказывать. Слушай.

Когда человека, сжавшего в страхе полу твоей сутаны,
ты поместил в среду,
в коей безмолвие правит, челюсти щелкнув и извиваясь
чешуйчатыми хвостами,
когда наделил его речью единого только в сем бессловесном ряду –
в каком одиночестве невыносимом ты маленького оставил!..

(А воздух вокруг все пружинится даже не столько от алкоголя –
от захмеления запахом хвои, напоминающим запах благого мира
гораздо сильнее, чем можно себе представить, гораздо более!
И в сердце так сладко вонзается с каждым ударом
первой любви папира).

Вот потому-то и мне, одинокой в этой безлюдной живой глуши,
хочется петь, прославляя творенье, от месяца кучего до амебы.
Но доли, холмы и сонные камни не внемлют восторгу впервые
рожденной моей души,
и мокрым бескостным трупом язык прилипает к небу.

Кому серебрятся тугие стволы, к кому молоко убегает
по темной скатерти?

Ни сойкам, ни узко сияющим листьям ракич до меня
никакого нет дела.

Я скромно стою у предела, как нищий стоит на паперти,
на четверть, на толику ночи Архыза не часть,

я здесь инородное тело,

и если пока от меня этот вид ширма сплошная не плотно заволокла то, может, из малой жалости. Я вижу теперь, что небо,

иссеченное картечью,
уступчиво прихоти мысли только до первого оклика тени,
возникшей на фоне окна.

И это есть знак: «Вернись ко своим, любви, человек, человеچه,

не стой, не зови, напрасно не жди ласкающей властно шуйцы,
тебя отделяет от нашего братства рассудка большой засов».

И вот уже вправду спокойней, и пальцы не так от волнения
молитвенного трясутся,
и, кажется, что ничего нет на свете дороже и выше слов.

И кажется, что одиночество это, в довесок к наследству Адамову,
сможет как-нибудь да пережить, помня свою

принадлежность к людям.

А эта избыточная и нечувствительная природа, зачем-то данная,
пусть навсегда остается только сырьем, только холодной
кормящей грудью.

III.

Первая в жизни поездка в горы. Тихо вернуться
в гостиничный номер.

На это бывает достаточно меньше, чем долгие полчаса:

ты жил-был, потом вдруг родился, но так же внезапно умер.

И кто ты, и что теперь делать с собою, не знаешь сам.

P.S.: А еще там была лошадь, которая в стихотворение не поместилась. Лошадь была большая, черная и пахла скиским молоком – лошадиным своим потом. Она стояла посреди дороги, загоразживая особенной, непроницаемой чернотой тела черную ночь с черной проселочной дорогой и лес, который выделялся на фоне неба рваными краями, как будто клыкастым ртом кто-то откусил от него самую сахарную часть. Лошадь существовала вместе со всем вокруг, но как будто бы и отдельно. Она широко дышала, на расстоянии двух метров в непроглядной тьме было заметно, как двигаются ее здоровые, круглые бока.

И не могу не воскликнуть, спрося: а вы когда-нибудь ночью, горной ночью, морозной снаружи и оттого парной внутри вас, гладили незнакомую лошадь, абсолютно черного цвета, но может быть, и не абсолютно, а может, и вообще не черного, потому что это только в городах по ночам кошки серы, а в горах, уж поверьте, любая кошка была бы черней сажи, уж не говоря о любой лошади. Мягкая, атласная спина, а грива сухая и неожиданная. И все это вместе живое, переступает с ноги на ногу в нетерпении, ищет где-то там внизу, в небываемой темноте добрыми губами траву.

А потом лошади надоели мои жадные зрячие руки, которыми не насмотреться на это невозможное, не наглядиться, и она ушла.

Вот так сон.

РОСТИСЛАВ АМЕЛИН

* * *

знаете я не часто пишу
хотя хотелось бы чаще чем
несколько раз в году

честно сказать – всему виной
то что как ни сажусь писать
каждый раз за моей спиной
кто-то шуршит бумагами и
чем-то звенит звенит

каждый раз слыша звук
перебирания пальцами рук
ручек в моем шкафу
я оборачиваюсь

в дом ко мне приходит она
очень похожая на кота
полумохлая тишина
черная обезьяна

ручку заметит в руках моих
и отнимает а если я
не отдаю – швыряет и (ах)
записи рвет мои

ручки по комнате все собрав
стержни вытаскивает она
и как лапшу – жуёт
а на губах – чернила

я пытался ее прогнать
но обезьяна под кровать
прячется и сидит
только горит глазами

каждый раз, начиная стих
несколько ручек кладу на стол
чтобы придя начинала с них
черная обезьяна

я сегодня пишу в кафе
хотя хотелось бы чаще чем
несколько раз в году

Телемах Одиссею

далеко ли, отец, зашел ты в своих многолетних скитаньях?
на какие земные просторы завела тебя ревнивая твоя муза?
на каких берегах ты влачишь с ней свои недожитые годы?
не достиг ли того, чего ради покинул родную Итаку?

уже вырос твой сын, хоть не стал еще истинным мужем.
все ему предстоит: не дошел еще он до подножий Олимпа
не прошел ни огонь он, ни воду вплоть до хладных чертогов Аида
из владений узрел посеídoновых он лишь Эгейское море...

но не суть. Расскажу, что за вести с подземного мира восходят:
наших судеб волокна у мойры трехликой запутались крепко
и не может старуха рябая узел замысловатый распутать
ибо зрением слабым своим по форме их не различает

я бы выколочил око сией завистливой и бесплодной деве
дабы впредь о вещах простых столь незрячая рассуждала
лишь на вкус и на ошупь достойное обращая вниманье!
но мне впредь не стоит слагать ахиною пространно и витиевато:

в нами избранном ремесле различит нас увы лишь незрячий:
хоть и плотью родны, но из разных совсем состоим мы эфиров
да лишь к музе одной прильнули: многогрудой, неверной
к родству и подобного рода вещам – беспристрастной

Веселое

все бывает понемногу
ничего не просто так
все равно, спасибо Богу
ты дурак, и я дурак

как родители ни бились
нам с тобою повезло
дурачками уродились
неспособными на зло

отведите к умным людям
коли знают, что о чем
даже слушать их не будем
мы поплачем и пойдем

Боже, взял бы нас под ручки
Боже, дурачка храни!
дай по дуручке-подружке –
дурачков родят они

Только пульки в пистолете
только тухлая вода
только небо, только ветер
ничего и никогда

АЛЕКСАНДРА ДЕМАКОВА

Шла саша по шоссе

*передвигалась Александра по магистрали
и употребляла хлебобулочное изделие (с)*

Шла Саша по шоссе
Сквозь тернии не к звездам
Через буран метель снег иней дождь грозу
Шла Саша по мостам
Шла Саша несерьезно
Без целей и без слов
Шла Саша по плацу
в чугунных сапогах
С железной коркой хлеба
Шла Саша всем назло
За много-много лет
Все так и не дойдет
До финиша и где бы
Она ни шла никто ее не ждет

Все смотрят из окон
Идет по трассе Саша
А саше хоть бы хны
Еще две пары есть
Неношенных сапог
И хлеб не съеден
Вроде бы как даже
Не спеты песни
Не разогнан смог

Еще пилить и плыть до финиша и стопа
Шла саша по шоссе
когда-нибудь дойдет
тогда ей отдохнуть положено немного
Примерить сапоги – и снова в путь-дорогу
Шла саша по шоссе все ночи напролет.

Море волнуется раз

Я начинаю отсчет от глубинных – море волнуется раз.
Зубами акульими режь пуповину, твой океан не спас.
Рыбы твои все уплыли смерти искать на прилив –
Я выхожу под открытое море топить твои корабли.
Бьешься не пойманым карпом под тонким осенним льдом,
Как рыбы с железом во ртах, касатки под гарпуном.
Снимай акваланг и показывай мне, как, где и что болит.
Мы дышим альпами жабрами, соленые воды внутри.

Я продолжаю считать рыбешек – море волнуется два.
Соли вьедаются в нежную кожу, не за горами зима.
Ты остаешься под водами, телом не станет уже чешуя,
Я остаюсь приношением в жертву старым глухим морям.

И скоро зима, но мы же не крысы, черти тебя деря.
Рыба из моря уходит последней. Море волнуется три.

Все персонажи вымышлены

Все персонажи вымышлены, все совпадения чисто случайны,
Все абзацы посчитаны, записаны все опечатки.
По последней странице в мозгу гремит колокол –
долгий, прощальный.
Книга закончилась, вот ваше пальто и ваши перчатки.
Все ситуации ложные, все повороты придуманы
с целью обогащения,
Каждый эпиграф был выплакан, вылакан ночью на брудершафт,
Под каждое имя подогнан сюжет, копирайт –
под каждое обращение,
За незаконный повтор двоеточий – штраф.
Все персонажи придуманы автором в глубокой депрессии.
На каждую черепаху подобран второй и даже третий кит,
Подобрана музыка плюс хронология ритуальных процессов и
Пара столетий в истории; опять переписан миф,
Добавлена пара богов, тройка войн и одна переломная точка.
Все это сделано то ли за деньги, то ли за просто так –

От великой тоски в голове начинают печататься строчки;
Подсознание пьет анальгин и латает свой белый флаг.
Вне зависимости от того, чья метафора лучше, сочнее и краше –
Все события происходят, оживают все персонажи.

КИРИЛЛ ШИРОКОВ

* * *

1.
Ты спрашиваешь
что это может быть

давай приглядимся
второпях
это останется неизвестным

ты спрашиваешь
это может быть я

даже не знаю
когда такое могло случиться

2.
по губам
стучит неуютный декабрьский ветер

мы уже дома
в распахнутых окнах
с отключенным отоплением

и освещенье никуда не годится
нужно купить новые лампы накаливания

3.
все начинает
плохо функционировать

газовая плита
беззащитные электрические приборы
предметы посуды

ты спрашиваешь
что это может быть

давай приглядимся
возможно
сон

* * *

бог, расположенный на полу
и разливающий воду,
теряет в объеме, и тикающие часы
капают на его темя
песчинками перкуссивных звуков,
чьи тела лежат на циферблате и иногда прикасаются к стеклу
и магнитным стрелкам.

бог, съезживающий от прохлады
свое обнаженное тело,
танцует на склоне ковра,
разглядывая простирающуюся перед ним
равнину паркета.

бог, остающийся наедине
с пространством после уснувшего вечера
поглощает не допитую воду,
покрывшуюся мурашками
от зимнего ночного мороза.

* * *

скачал
foobar2000 1.1.6 portable

слушаю проливающуюся
как из ведра
дождевую воду

kyrie

к

на глади стекла
ничего,
но время меняет его лицо,
время с пеной у рта
верещит,
что на глади стекла находится образ...

находится некий неясный образ,
размытый,
но очевидный,
а также несуществующий.

у

бесплатный кофе дрожит в стакане
от тяжести мыслей в комнате
и трепетности воспоминаний.

от верха до низа – безликая аура затхлого
воздуха, направленного к полу,
к потолку, к стеклу или же к стене, –
во все стороны, быть может.

г

бесповоротно слаб
мигающий нерв монитора.
он томно разглядывает меня,
когда я разыскиваю осколки темноты

в помещении, освещенном
неумолкающими фонарями,
словно назло являющимися
всегда
дополнительной причиной.

i

моя дорогая муха,
сидящая на подоконнике,
понижшими глазами
взглядывает на меня,

разделяет со мной свой воздух
и свет,
вытаскивает из меня
остатки дискретной мысли.

e

господи, выведи следующий день
куда-нибудь
отсюда.

выведи следующий день
из не вычитанного пока
числа.

господи, расставь по местам
ошалевшую мебель,

ошалевшую мебель событий,
стекающих прямо в сердце,
полоскающиеся в костях.

АЛЛА ЗИНЕВИЧ

Клевера

*Погружался я в море клевера,
Окруженный сказками пчел.
Но ветер, зовущий с севера,
Мое детское сердце нашел.*

А. Блок

Где, любимый, ты был, когда цвели клевера
в бесконечных лугах и во сне мне было пять лет?
Ивы молились в часовне тягучих вод,
время струилось, прозрачное, как твой дух,
сон и вечерний свет.

Никого мне другого, только к тебе любовь,
словно к городу света, низеньких хат невестных,
там прорастает на радость шмелям в лике клевера
Анна-пророчица – святая в платке серебряном
кос и с очами звезд.

Где ты был, когда неистовствовали, цвели
девичествовали мои дошкольные клевера,
и какая зелень в твоих царскосельских дворах
позже в свитер сплелась?, ибо все между нами связь,
и из грязи да в князи вырастают стихами башни,
где, когда я спала, ты ребенком гулял...

Никого мне другого, только тебе нужней,
даже чем мне, в своем детстве призрачная, любовь –
как сбывается сон, взрослеет она плотней,
прорастает, как клевер из черепа, и, как мысль,
превращается в света текущий мед
в улье собора,

*в «Аллилуйя» алтарных сот,
в город волшебный и золотой –*

то ли в где я жила, то ли в тот, где мы будем жить,
то ли в сон Иоанна, апостольский вещей сон,
где Орлом возносится Скорпион,
в клюве держа Евангелий *четырёхлистник*.

З(аз)еркальность

*[эпиграф – фотография отражения
карельского леса в озере, сделанная В.]*

Вот дерево; но внутрь оно растёт,
в подземный мир ключами вещей вод:
и верх и низ, роднясь, змеясь –
единство, перекличка, связь:
зеленый, белый, ржаво-золотой
фактурой мшистой, струпчатой корой
руническим письмом выводят скрытый строй –
ответ у вод, у воздуха вопрос.

...О, так дыханье вопрошает кровь,
дух призывает плоть на грань миров,
где дао тел двоящихся деревьев
сродни библейской лестнице небес!

Вот буквы леса: гибок водный воск,
ему как пламя быстротечный воздух,
стволы сияют – северные звезды,
венер карельских снеговая плоть.

...так тишине твоих мгновенных рук,
как зазеркалье, я дарую звук.

ГАЛИНА РЫМБУ

Ученик

*Белый ветер преследует крылья пчел
А. Кубрик*

Жаркий распахивается цветком,
Чтобы ты сел на большой лепесток
И покатился в нектар и пыльцу
К матери и отцу.

Крепкий кузнечик глядит на росу,
Звук успокаивается на весу.
Где это? В редком лесу
Неизреченном? Падают стрекоза
Прямо на ворот и дышит во все глаза.
Начинаются чудеса:

Спатьишь, очнешься ли в школьном саду, –
Щуришься, вглядываясь в темноту,
А там – ученик, вода:

Астра застыла в бледной руке,
Белая ГЭС шумит вдалеке,
И, удивленная светом, река
Грохочет издалека.

Шаг, – и кузнечик стоит надо тобой,
Точны его словеса.
Сон: пролетая над медной трубой,
бабочка стала тобой.
Видно ли сверху, – промысел чист Его?
Тоненький голос, маленький локоток,
Стеклянный бутон, устремляемый на восток,
Там, где свершилось больше всего:
Шар. Пустота. Лунное молоко
Жертвенный моет песок.

* * *

Как много музыки у Бога,
у счастья музыки немного,
она прохладная слегка
и отстраненная немного,
звучит и как бы за стеной
тревоги, что бы не случилось
как будто следует за мной,
как будто шепчет мне, прощаясь,
про дар небесный и земной,
который был здесь и оставил
лишь долгий окрик ледяной,
лишь тонкий дождик на стекле
и чашку чая на столе...
и все мерцало и качалось,
и все как будто бы прощалось,
как будто все приснилось мне...

Уха

Только полдень от нас остается
только смех уходящей реки,
где страданье перевернется,
быстрой лодкой на полавки
и рыбак, удлиняя дыханье,
тянет серую щуку в ответ
на неясные наши страданья,
на прохладный и белый свет.
На свету все давно совершилось:
пахнет донник, цветет череда,
снова спелая ночь опустилась
на ковер золотого пруда пруда,
молчаливой водой обернулась
на молочные берега...
И упала тайга.
День второй. Я не сплю и рыдаю,

Хлебный мякиш бросаю в траву,
Злом и счастьем произрастаю
В золотистом саду наяву.
На мои опускаются веки
две капустницы, вижу: внутри,
тишина и подземные реки
русла прячут в ладоши зари,
человек на пароме скучает,
человек на утесе поет,
дом, огромный цветок молочая,
гром небесный, пустой теплоход.
Если это мне только приснилось?
Если это все только беда?
И байдарка, и темная жимолость,
И крутящиеся невода,
Мир, где щука на дне нерестилась,
Окунь строил свои города,
Где сплетаются красные сети,
В песни наши, дневные грехи,
В самый лучший на белом свете
Сладкий вкус поднебесной ухи.

Родник

Он весь исполнился огней,
он весь искрится, весь раззят –
слепой родник, вода, и в ней
родные с кружками стоят.

Тяжелых недр разговор,
подземных солнц тугая мгла,
где как улыбка синих гор,
любовь вечерняя легла.

Как ломит тело от воды,
и нету больше ничего,
лишь цифры замкнутой судьбы
и ломкий свет в руках Его.

И больше нет во мне судьбы,
и больше нет во мне огня,
лишь красный диск летит, под ним
родные с кружками стоят.

О пустошь бурая, бархан,
приснись, безумный мой родник,
мой серафим, речной туман,
родной язык.

Я песню бедную зажгу
хрустальных гор, холодных дней
и разнотравья долгий жгут
стяну над веною твоей.

И хлынет чистая вода,
и в ней мой прадед, отраженьем скован,
идет к огню, он плачет, и тогда
исчезнет все – виденья из песка...
Нам путь другой для встречи уготован.

* * *

так странно, все они исчезнут – дома, деревья и дома,
еще деревья, города, – все исчезает в странном свете,
в сопротивлении вступают последние короткие слова,
как бы корбочки цветов горячих мака –
раскрылись, а внутри еще других печальных крепких слов
бесчисленны войска.
как в человеке дом
и каждый мир огромен,
и многочислен сам
воздушный сад цветет,
как раньше в пустоте каких таких жаровен
веселый, жидкий говорит огонь.
как раньше... а теперь – о трубадур железный! –
ты вспять поверотись заброшенных широт,
когда откроется внутри храм темный, бесполезный
и ждать тебя зовет, и жить еще зовет...

ЕГОР САЛЬНИКОВ

Зверобой

Джеймса Фенимора Купера выбросили на помойку.

Ему

Гореть в зеленых эмалированных баках.

Последний из могикиан

Полетит вместе с гарью во Тьму

И осядет пеплом на бездомных собаках.

Нет,

Это не мюнхенские костры,

Жрущие языки;

Не языческие пляски Муссолини в керосине...

Я Купера читал в 8 лет.

Не помню ни строки,

Кроме слова мокасины.

Москва, «Детгиз», 61-й год.

Новый бог,

Запущенный на орбиту в мыльнице из Байконура,

А из бутинка предательски выползал шнурок,

Как змея со страниц издательства

«Детская литература».

Июль. Сто страниц на скорость,

И я в игре.

Разжигаем костры, и в ответ нам мигают на Марсе.

А последний из могикиан

Вместе с гарью лежит в зеленом ведре,

И родинка с шеи плывет черничинкой в море.

И снова струится развязывающийся шнурок

Между травой – змейкою голубою.

Чернозубое детство вгрызается в черничный пирог,

Такой огромный, что можно

Окунуться в него с головою.

А потом зарыться в свежескошенную кровать,

Где, пока ее не сожгли, нам приснится обоим

Герой, который не умел людей убивать,

За что его и прозвали Зверобоем...

Чудо радиоактивного света

Мой Парфенон, четвертый энергоблок.
Я скинул скафандр.
Афина,ними шлемофон.
Разденем друг друга до сердца, где я одинок,
Мой Парфенон.
Богиня, прости за вынужденный стриптиз,
Но в золоте схватишь ударные 20 грэй –
И кости крошатся, что твой антикварный гипс.
И сам собой отправляешься в Русский Музей.

Здесь, в неоруинах скривали схоронены,
Философские камни, радиоактивный хлам...
Ведь это же так... нормально – богиня войны
И взорванный храм.
Идет по дороге из желтого кирпича
И светится металлический дровосек –
От гамма-луча, что-то вроде паралича.
Добрый и жалкий Гудвин – последний генсек

Вспомнил по радио братьев своих и сестер,
Тени их вышли на улицу и как встарь
Мебель крушили, а после бросали в костер,
Как на алтарь.
Мой Парфенон, кто однажды ворвался в тебя
Варвар, инопланетянин – и бросил на щит?
Только вороны колонны твои теребят,
Гейгер трещит, а может, кузнечик трещит...

И дровосек не дошел, заржавел по пути,
И растворились, рассыхлись на улице те,
Кто оставлял приборы в электросети
И газ на плите.
Мертвых желаний хранилище, сладких тайн.
Тайны пропавших засахарятся, забродят.
Глядя в небо, расплзшееся, как ткань,
Афина стоит.
И ждет золотого дождя.

ЕКАТЕРИНА МАЛОВА

* * *

можно сказать:
мой плеер
читает DVD и Blu-ray
мой нетбук
весит меньше
чашки кофе
мой телефон
размером
с пачку сигарет.
и через десять лет
никто
из твоих знакомых
об этом не вспомнит.
можно сказать:
я ежедневно
оставляю пространный
пост в ЖЖ
я ежевечерне
просматриваю
новости друзей
вконтакте
я ежеминутно
телеграфирую
в твиттер.
и через десять лет
никто
из твоих знакомых
об этом не вспомнит.

можно сказать:
я до безумия
влюбилась
в Васю П.
лучше бы об этом

через десять лет
НИКТО
не вспоминал.

* * *

за отсутствием сна
наступило лето
но лето
среднего рода
так что
во второй строке
никакой интриги

* * *

говорит
дышу тобой
как воздухом
гадость какая
выдохни сейчас же

АНАСТАСИЯ СТРОКИНА

Виноградный мальчик

Очарованием старого трюка
привлеку тебя:
сделаю кукольный дом, а за дверкой
высажу сад настоящий.
Я – виноградный мальчик
с маленькой терпкой
косточкой в сердце. Дай руку –
вместе пойдем по саду.
Вот это багульник. А рядом –
боярышник, крупный, ветвистый,
розовый, празднично-белый.
Не убежишь, не скроешься – что ни делай
от этого гомона, этого птичьего свиста,
крокусов, бальзаминов, цветущих давидий.
Дальше – дорога к морю. Только не говори мне,
что ты устала. Идем, я покажу, где Овидий
стоял и думал – наверное, думал – о Риме.
Но ты так редко бываешь со мной, так часто с другими,
что мне и года не хватит все рассказать подробно,
все показать.
Крокус солнцеподобный
можешь с собой забрать,
если нельзя остаться. Если нельзя иначе.
Дверка – и путь обратный.
Я виноградный мальчик.
Твой виноградный.

* * *

Третий день, как пошел первый снег.
Не тревожься: будет радостный день.
А давай – до скрещения рек
пройдемся – до окончания лет.
Потеплее пальто надень.

Помнишь, это Оден, кажется: «Мы должны...»
We must love each other or die
Хочешь, прямо пойдём, хочешь – окружным.
Только руку дай.

На еврейском кладбище. Могила Цеби

Каждому хватит времени.
Хватит на все. Больше не надо.
Смотришь глазами серыми
на ограду,
а за оградой –
бронзовый быстрый олень
и надпись: Цеби.
Белая-белая сирень
гроздьями – в небо;
друг другу мы вручены,
земная поросль,
и не разлучены –
просто порознь,
просто земля меж нами –
тонкая пленка;
скачет олень ночами
к олененку,
и свысока
видит: Прага застыла.
Камень вместо цветка
брось на могилу,
брось и не бойся: цветы –
все те же камни.
Скачет он сквозь кусты –
прямо в глаза мне
и разрывает вату
пространств – рогом.
Времени хватит, хватит,
времени много.

АЛЕКСАНДРА СОБОЛЕВА

* * *

скорее

скоро солнце уйдет и останется только в памяти листьев
но пока дворники собирают из них вселенную
упаковывают в пакеты и сжигают как масленицу
к весне ожидая нового счастья
мы можем успеть посмотреть как исчезает весна в долгую зиму
спрятать солнце между страниц до окончания века или до переезда
мы можем еще полюбить разлюбить вернуться и все-таки жить
пока дворники собирают из тысячи листьев осень.

22.10.11

* * *

а время превратилось в травы
засушенные пучки на стенах
метки из жизни
собрать бы самовар да заваривать чай из воспоминаний
поджидая завтрашний день
еще один
слава Богу
еще.

29.10.11

* * *

Зачем тебе сложносочиненная женщина
с противительными союзами
когда вокруг так много подчиненных
или вовсе бессоюзных.

2010

* * *

Цветы брошены в метро
Так что и поднять некому
Пьяный прохожий мимо
толпы школьников и людей читающих смс
толпы людей и школьников читающих смс
в этой сутолоке так легко заблудиться и не выловить уже никогда
в памяти
как прорастает цветок хрустящим ростком сквозь землю
как пахнут прелые листья
в этой сутолоке только и мыслей
выход в город направо налево переход на станцию
и никакой возможности остановиться.
До счастья всегда вечность
Если однажды не остановишься

28.10.11

Это мы вновь обретаем себя

Когда прорастаешь взглядом в незнакомого
твое одиночество уже не принадлежит ни тебе
ни другому
потеря привычного всегда страх
повод оглянуться окаменеть
пока не почувствуешь пустоту
без самого себя
и без другого.
Только выходя из одиночества
обретаешь себя.

2011–2012

ФАНИЯ ГАЛЯМУТИНОВА

* * *

1.
в форме кубиков
Из свеклы сахарной
В кофе кладу
Наверное, пять –
Ты любишь побольше

2.
Твои цветы
стоят на моем подоконнике
проходящая мимо девочка
не может следить за ними
слишком часто меняются
я к стати живу на втором этаже

3.
сегодня купила тебе зубную щетку
чтобы чаще оставался
а еще говорю тебе что люблю
наверное в пять раз больше на дню
чем кладу кубики в твой кофе

* * *

Что-то мне не спится.
Ничего не снится.
Взяла бы в руки спицы,
Связала б шарф, на шарфе – птица –
Да не умею вязать...

Выпадут из рук спицы,
Вспомнятся чужие лица.
Выпасть бы, как спица, – не полниться –
Вспомнить: зачем не снится, чего боится?... –
Да нечего вспоминать...

* * *

ХОДИТ ПО ВОДУ
по замерзшей воде ходит по воду
по привычке ходит по воду
будто вода сама ее водит по воду

так до самой весны ходила по воду
не имея повода
ища повод
набирая озерных вод
застоявшихся вод

так до самой весны ходила по воду –
рухнул лед.

ГАЛИНА ЛОБАНОВА

* * *

идет любовь.
неопознанная.
без определенного места жительства.
даже без имени.

идет черт знает откуда,
маленькая,
вся съжилась.

и вот опять,
как на зло:
на перекрестке
она села в какое-то авто
и скрылась.
опять я не подошла
и не сказала «здравствуй».

не успела.
теперь стою одна.
как дура.

* * *

я слышу
как бьется сердце
твоего ребенка:
маленькие рыбки
в пакетике с теплой
алой краской.

возьми кисточку
и нарисуй мне
маску, чтобы лицо
стало похоже на что угодно,
только не на меня.

я вижу
тебя
даже там, где пусто.
а ты шлешь мне открытки
без подписи.

уходи всегда безнаказанным.
и возвращайся с вином.

* * *

Лиза! Лиза!
Пойдем смотреть
котят в коробке!
Маленькие, глупые,
хорошенькие,
глаза как горошинки –
одни одинешеньки!

Лиза говорит:
Зачем?
У меня и без них
Сто забот, сто проблем.
Чего я там не видела?

Лиза! Лиза!
Как ты не понимаешь?
Глаза как горошинки –
одни одинешеньки!
Давай посмотрим!
Остановись, посмотрим.

Лиза говорит:
Их скоро выкинут
Как старые игрушки.
Никому они не нужны.
Не расстраивай себе нервы.

Лиза! Лиза!

Как ты не понимаешь?

Это же чудо!

Новая жизнь!

Святое дело!

Лиза говорит:

Закрой глаза.

Мы пройдем мимо.

Котят нет.

Тебя нет.

Меня нет.

Пустая коробка.

* * *

я помню лето.

оранжевый подсолнух

один

едва подростший

у моста,

рядом с забором.

тусклый.

водоплавающие небожители

штурмуют озера

в пределах города.

делятся друг с другом

шариками мороженого

и оставляют после себя

липкие брызги

на лобовых стеклах

ползущих на дачу авто.

они совсем обнагтели –

– даже не покупают

купальники.

завтра у меня будет
фотоаппарат,
и я изничтожу все.
сделаю много
автопортретов.
летом.

жарко до ужаса.
а ты щетинишься,
у тебя раздражение.
морщинистые судороги
искусственных волн
парализуют озеро.

не верится,
что завтра этого не будет.
а может,
это никогда не кончится.

* * *

у меня нет сестры,
которая как серый кит
похожа на мой большой палец.

Нет сестры
плоть от плоти родителей моих,
состоящей из тех же атомов.

Нет сестры-непослушницы –
волосами против ветра,
старше меня
моложе матери.

Сестры в шитом сарафане.
Я бы донашивала
радовалась
в любом случае

Сестра
главнее
я бы не жаловалась.

На отдельной кровати,
в своей комнате –
Сестра.
Неприкосновенные стены –
Сестра спит.

Сестра – только больше.
Больше жизни – Сестра.
Больше пристального безразличия.
Только в глазах Сестры.

Маленькие ладони
важных людей –
Семья.

* теплая арка –
Сестра
чтобы без посторонних.
уронит на землю
перчатку.
Я ей верну.
За руку
Сестра вперед
домой –
идет.
А там ждут.

МАКСИМ МАРКЕВИЧ

Новогиреево

там, где скелетные ивы склонились над гаражами,
тусклые дни, не предупредив, удержали
часть наших сердец – как плату за постой
в Доме Скрипящих Дверей, где жизнь была простой
и монотонной (вот и ответ, почему
все эти дни проходили словно в дыму).

Пробуждаясь, мы убеждались: пыль веков
Осталась нетронутой на ворсе половиков.
Мы пили кефир в эпицентре магнитных бурь,
и свет серого неба, сколько глаза ни жмурь,
протекал сквозь сетчатку, напитоквал каждый нейрон
мозга под крики сытых детей и ворон.

Уставив в окно уставшие от монитора глаза,
мы внутренним взором стремились проникнуть за
обложку вещей, но там находился лишь текст
песни «я пропишу тебе пиллолю под названием секс!»
И мы отворачивались, как тимуровцы от мзды,
не в силах поверить, что искушения мира пусты.

Любой человек при помощи ног и метро
Двигается так, как вокруг ядра – электрон:
Всегда существует центр, к которому нас
приводит любой из путей. Для меня как раз
подобным центром был удаленный район,
открытый ветру забвения со всех сторон.

С тем и живем: из выветренных камней
Памяти не сложить мозаику дней
На башне Хроноса. Впрочем, я знаю и сам,
что башней окажется ЖЭК или универсам,
покрытый чудовищной извостью. А потому
ему мои сантименты совсем ни к чему.

Новогиреево – область железных оград,
Где магазины построились как на парад,
где воздух похож на тяжелый мясной бульон,
где чье-то белье поросло на балконе быльем,
и скрипы качелей уже не тревожат покой
того, кто на клавиши жмет утомленной рукой

великорусские досуги

я родился в бассейне
или даже на водоразделе
двух великорусских рек
где колос колосится и колбаса колбасеет
и долог человеческий век
где медленные птицы
роняют на лица
прохожих одноmomentно
монеты и экскременты
где море выбрасывает на улицы городов
объевшихся пророками китов

я люблю свою Родину Россию
где свет поутру бывает рассеян
а ночи бывают чернее ваксы
в соответствии с учением Маркса
мы пьем кефир, ведь мудрецы говорят
что кефир – полезен, а тормозуха – яд
здесь есть развлечения, доступные лишь нам
например, смеяться, когда ноги примерзают к штанам
или ввечеру считать пальцы – кто сколько отморозил.
таково бремя зимы, но есть и другие угрозы

тяжкая поступь солнца, идущего через тайгу
в пять утра разбудила министра Шойгу
солнце – это термоядерный командор
прожигаящий в тайге коридор
источая смертельное пламя геенны
оно тычет Шойгу свою лапу, говоря «здравствуй, Генал!»

но могучий министр стремглав извлекает ужа и пионерским способом тушит пожар со словами: «какой я тебе Гена, когда я Сережа!» как поется в песне, осуществил невозможное я тоже когда-то так мог, был могучим, как лось но применить это с пользой не довелось

Предсказание Козьмы Скоропостижного

2012

2012 – переломный год.

Россия утраивает годовой доход.

Бомжи осваивают приготовление рябчиков на пару.
К Земле прилетает планета Нибиру.

2020

окончание третьей мировой войны.

Бабы-роботы, наконец, изобретены.

Китайцы поднимают Атлантиду со дна.

Начинается новая мировая война.

2030

колонизация спутников Сатурна.

Гопники начинают выражаться культурно,

Заменяя матерные слова словом «цветочек».

Отсюда формы «пошел в цветочек»,

«иди на цветочек», и множество прочих.

2040

заканчиваются уголь, нефть и природный газ.

Последняя на планете собака съедена в городе Новочеркасск.

Ее запекли в реакторе, начинив толченой резиной.

Люди осваивают питание древесиной.

2054

Эпидемия кори на спутниках Сатурна.

Гопники начинают выражаться культурно,

Заменяя матерное слово «цветочек» словом «колесо».
Появляются словоформы «иди В колесо»,
«пошел НА колесо», и еще штук пятьсот.

2063

В городах Туле, Новочеркасске и Выборге,
Во время третьего центрально-черноземного бунта киборгов,
Родилось сто тысяч мальчиков по имени Владлен.
Вот такой парадоксальный природный феномен.

2077

Слово «колесо» заменяют словом «лимонад».
Фраза «лимонад без газа» – это самый грязный мат.

2080

меняются местами полюса планеты, и без видимых причин
Превращаются мужчины в женщин, а женщины – в мужчин!
Это произошло мгновенно и совсем не больно.
И никто не умер, а некоторые даже довольны!

2090

Человеческий мозг меняет размер.
Возвращаются к жизни фараон Нармер
И Черкизовский рынок после долгих лет сна.
Сказать что ли, что начинается еще одна мировая война?

2150

На Черкизовском рынке садится корабль инопланетян.
Первым его засек продавец шаурмы Карапетян.
Он преподнес пришельцам самсу и хот-дог.
На этом контакт закончился –
пришельцы, откушав, свалились с ног
И растаяли, как дым над углями мангала.
А когда Карапетян оглянулся – и корабля как не бывало!

2160

В сверхновую звезду превратился Юпитер.
Сгорели все колонии на его орбите.

На спутниках Сатурна свирепствует чума.
На Земле десятая (юбилейная) мировая война.
На Марсе вывели яблоки бессмертия, сорт «танатоцид».
А люди, их попробовав, отдают концы.

Выживает только женский пионерский хор
Имени десятилетия появления НПО
На Черкизовском рынке
И его несовершеннолетний дирижер.
Пацану, без сомнения, повезло.
А зовут его Геша Присыпкин.

2200

В этом году на околоземной орбите
Размещают станцию-громкоговоритель.
К Солнцу привинчен космический пульт управления,
Теперь люди могут менять цвет и активность свечения.
Когда громкоговоритель транслирует радио Шансон,
Мы заставляем Солнце мигать с ним в унисон.
Планеты в недоумении выстраиваются в парад.
Представьте, как Паша Цветомузыка был бы рад.

2300

«С приветом гуманоидам от Солнцевских! Респект, пацаны!» –
Такое сообщение отправлено в космос

с территории нашей страны.
Очень скоро с Тау Кита приходит ответ:
«Взаимный респект от группировки центральных планет!»
Похоже, на Тау Кита живет гопота.
Шутки шутками, а ведь это наконец-то контакт!

Период с 2012 до 10 000 000 000

В околоземном пространстве я вижу черного исполина.
Космическую обезьяну. Она слепила из глины
Маленький шарик. Это кукла Земли.
Я вижу глаза исполина, горящие, как угли.
Желтый оскал и скошенный узкий лоб.
И обезьяна нас видит, смотрит на облачный глоб.

Когда обезьяна мочит свой шарик слюнями,
Здесь на земле происходит потоп и цунами.
Помята шарик в ладонях – и тут же у нас
Равняются с почвой Анды, Памир и Кавказ.
Это навыв симпатической магии –
Воздействие на предметы через манипуляции с их знаками.
Мы слышим ее дурное присутствие рядом.
Нам дышит в затылок тупое животное Рандом.
Но есть на Земле существа, не боящиеся обезьянки –
Глубоководные черви толщиной в руку Боло Янга
И длиной несколько метров, живущие тысячи лет.
Они не боятся чумы и комет.
Им не страшна мировая война –
Радиация не достигает океанского дна.
Когда шторм ядерный перетирает наши кости в порошок,
Червям в Марианской впадине тепло и хорошо.
Они – хозяйева мира. Мы – разумная пицца случая.
Его горящий мясной резерв. И конечно было бы лучше нам
Не думать о будущем, переловить всех пророков
И спечь их заживо в железных коробках.

А прошлое лучше будущего хотя бы тем,
Что в нем гарантированно нет нашей смерти.

ДЕНИС БЕЗНОСОВ

лица пятками в спины

ложки бросали булыжники блажь
вдернутый вдребезги сразу разутый с разбега
рогоносец дикобраз образ образуется раз
обр разуется обр разденется обр раздуется брось(!)
подразвинченный осьминогами восемь пляж
сморщенный смырщенный лоб луж
такие текущие морщинки высчитают возраст бога
накануне качелей и кожи ногтей зубов губ волос
и еще вос хвыс лыс у полос капала капала нас

гомункул фейерверк молекул лакированных выхухолей
насчитал третий стул нащупал у амеб в лапах улей
говорил это я это я вот это я выстрелил несмотря
на цвет тряпки пожимает плечами от трубки
пахнет мастикой смолой стуком дятла нос застрял
в коленной чашечке трубчисты часты челюсти
у растерянных фонарей с несварением желудков
у слюнявого переулка растущего у лебеда из горла
у курительной шлюпки лапки заклепки царапки

плывет возможно из лондона по туману лодка
та же плетка плетет хлопковый занавес для гор лая
не собачьим голосом честно говоря какую-то чушь
вроде этой
вроде этой самой
самой самой самой самой
неодетой
вроде этой
желтая чошь чишь чашь чушь(!)

взаправду шилом проткнули вставай на ходули
иди спотыкаясь иди спыт толкаясь толкаясь иди
таких камней тух имя чужие копии впопыхах дули
затылок раздувался до размеров взрослой заводи

взъерошенный вензель вонзил вонз в звон плоскости
писал пакости на театральных афишах плыл рядом сам
парализованный след следующего который принес кости
и самостоятельно закопал под подоконником градусом
не нужно лишнего лошадиного ответа на загадку сон
был и так слишком много а вот и рмоб вот такая дуга
потушите его лицо начинает смеркаться как говорил клаксон
насекомые всегда гитара всегда дога
дываются дываются куда
уоставилась радуга
гам бада га! мга га!

исчезло стихотворение

— , , .
! .
: , , —
? .
— . ;
— , .
! .
: ;
— ?
...

камни что делать

четыре могильщика строят каменный сад
в соломенном небе строят из каменных сот
четыре могильщика будут устраивать суд
над дюжиной устриц лунатиков тут
над дюжиной устриц прагматиков там
четвертый могильщик абсолютно сыт
трое других его несут
сначала на гору потом назад
потом на гору потом назад
четыре могильщика будут устраивать сад
из дюжины устриц лунатиков здесь
из дюжины устриц прагматиков там
четыре четверки четвертых частей
расчерчена ночь посреди ночи стой
перемещающая корпус туда сюда
к/от сада
– следует понимать
что следует поменять
всех местами и помянуть
всех кого не удается помнить
потому что невозможно сохранить
сахарную нить
равновесия снять
с лица сеть
и снить
сны
– четыре могильщика переворачивают страницу
советуют сторониться
советуют остерегаться
острить остригать стараться
стареть и стричься
одновременно
и выглядеть беременно
а именно
– следует бояться
превращения в камень возвращения в камень

а также бесед с камнем утренних полуденных и вечерних
близких контактов с камнем каменных людей собак птиц черных
камень белых камней зеленых камней желтых и чего угодно
что напоминает камень но еще не угадано
с первого взгляда/раза/прислушивания
со второго внимательного прослеживания
с третьего тщательного процеживания
с четвертого молчаливого прислуживания
– устрицам лунатикам там
устрицам прагматикам тут
тутитам тамитут здесь
четыре могильщика строят каменный сад
четыре могильщика ноги свои несут
опустив голову и приподняв зад
потом возвращаются назад
четыре могильщика будут устраивать суд

за завтраком

с. бирюкову

пюпитр испачкал небо сыром
скрипичный ключ
растет по пятницам
и
открывает чемодан
пандора у тебя босые
ступни – ! –
коробки с ветром пятятся
зачем нам дан
язык – ? –
распухшим синим цветом
отпугивать людей
и крыс
пока родятся из икры
у склеенных из пепла рыбок
большие сонные кентавры
с карандашами вместо ног

ХВОСТОМ МЕШАЯ В КОТЕЛКЕ
ВЧЕРАШНИЙ НЕДОПИТЫЙ ЧАЙ
ОН РАЗГОВАРИВАЕТ

САМ

С

СОБОЙ

О КРЫЛЬЯХ

СФИНКСА

ПОЭЗИЯ

ПОЭТ РОЖДАЕТСЯ

И

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

И

ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПОТОМ ОН ПИШЕТ МЕНЬШЕ ЧЕМ ОБЫЧНО

ПОТОМ ОН ПИШЕТ БОЛЬШЕ ЧЕМ ОБЫЧНО

ПОТОМ НЕ ПИШЕТ

НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ

НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ

И СНОВА НЕ ПИШЕТ ПОТОМ ПИШЕТ ПОТОМ

СНОВА НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ

НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ ПИШЕТ

НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ

НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ НЕ ПИШЕТ

И ПОТОМ ВДРУГ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ ПИШЕТ

не пишет пишет пишет пишет и не пишет
и пишет пишет и не пишет

потом он умирает

инструкция по открыванию этой двери

печатная машинка пишет

чччччччччччч

точка дает течь!

точь в точь

точно так

же

как?

же

леобразное тело на операционном столе

с тыльной

стороны

снотворной урны

грифеля

гриф – а la –

(фон)нема(я) слышу

слишком слажено с ложки

ПРАВИЛО

призмы в пижамах не помнят это провал!

призмы пошли на привал потому что нужны

первые рваные поросли пар осле

пلاءаааааааась провыл

нечто последнее мозгом мизинца из – ножны –

нежено

(из) (ношенно)

нож – павший – ниц

не ожидавший нис

колько коликов кольта культа

та --- та --- та

точка в том числе точка талька

АРТЕМ ФИЛАТОВ

*

что-то там про труд и свободу
(отсюда не разобрать)
нарисовал облаками
неизвестный автор
в небе над Аустерлицем

Георг Фридрих Вильгельм Гегель
увидел это во сне
но ничего не понял

*

2018
футболисты играют
головами русских чиновников
и волки сыты и овцы целы
говорит председатель КПК Си Цзиньпин
своему заместителю
Лю Байши
наклонившись к нему ровно настолько
чтобы счастливо вернуться
от башки тирана
влетевшей в правительственную трибуну

ну и удар у старика Месси
смеется в ответ Лю Байши
по слухам
наиболее вероятный преемник
Си Цзиньпина
на посту главы государства

*

фауст душист гомункулуса-переростка
и направляется в город

на центральной площади
праздник в самом разгаре

мексиканская отворачивается
и исчезает

*

в той битве сержанту оторвало обе руки
да и вообще сильно потрелало
его чудом эвакуировали на базу
полевые хирурги сделали все возможное
кое-как заштопали лицо
заменяли сердце и печень искусственными аналогами
а вместо рук (на этом настаивал сам пациент)
поставили фотонную пушку и лазерную пилу ближнего боя

первую сержант назвал в честь бабушки Империей
вторую – в честь мамы – Революцией

когда мы спросили его почему у них такие странные имена
он подмигнул нам красноватым электронным оком
и ответил

наверное
потому что я русский

* * *

протестанты снизу поют псалмы
(наверное
девочка все-таки умерла)

некому посмотреть в глазок
на застывшего у двери
человека с книгой в руках

внезапно он оборачивается
на шаги за спиной

и встречается взглядом
с Антоном из 45-ой

– Вы хотите поговорить о Библии?

но тот уже выбежал в солнечный летний двор
через полчаса у Антона экзамен по религиоведению

дальше повествование
идет от его лица

*

на все вопросы
учитель отвечал

нет

через час

доска за его спиной

превратилась в черное окно

куда он вылетел

вместе с учениками

что случилось дальше?

не знаю

я отсутствовал

*

и живые почти как мертвые
и мертвые как бессмертные

.

ты убил птицу и бабочку
живущих о невозможном

.

невозможно смотреть
на стариков в метро
они займут твоё место

а ты думал
наоборот

*

это песня из будущего которого нет
марты макфлай лабаает забытый рифф
осьминог облаченный в синий вельвет
ожидает зари

хочется мелодию подобрать
и грядущее воскресить
только он давно научился играть
выпускной разваливается на куски

мать никогда не встретит отца
– щупальца глядят вельвет –
на семейном фото вместо юнца
проступает мертвец

прекратился видать источник любви
марты фальшивит джонни би гуд
осьминог поднимается из глубин
люди танцуют потом бегут

*

вспоминешь сон
на высоком холме
мальчик стоит с огнем в голове

а снизу ползут скорпионы с человеческими лицами
разумные осьминоги тянут зубастые щупальца

мальчик молится его забирает Бог
а ты остаешься внизу
скорпион осьминог

гагарин

встретить его в солнечный шторм
на обочине звездных трасс
имя мое смерть и ничто
но ты зови меня номер раз

я без скафандра ушел в пустоту
и вот возвращаюсь назад
у меня на руках присоски растут
за спиной плавники шелестят

я тысячу лет не видел людей
слушал вселенский хор
имя мое последний день
но для тебя я товарищ майор

се улыбка моя отовсюду видна
я гляду как метеорит
и навстречу мне с океанского дна
поднимаются братья мои

*

словно рыба нашедшая небо на дне
золотое кольцо сгорает в огне

пустота испускает последний блеск
в темноте растворяется плеск

ты кто меньше жука тоньше нити льняной
ненадолго побудь со мной

чтобы вместе смотреть в темноту пустоту
смертью смерть расцветаютую на свету

АННА ОРЛИЦКАЯ

стихотворение для бронзового лисенка

бронзовый мой лисенок не плачь
это не дождь это просто серебряные ручейки
капающие с крыши
просто ручейки ручейки
просто вода, вода

бронзовый мой лисенок так получилось
время идет

время проходит тонет в безудержной синеве
легкие его шаги на песке
случайные слова на ветру
почти не оставляют следов

бронзовое мое горе позолоченная тоска
сквозь застекленные окна смотрит немой вопрос
вечер тебе подскажет правильные пути
утро тебя не спросит
кто ты откуда пришел и куда идешь

наш кинотеатр

поле тонет в тумане
вспыхивают васильки
и ни одна птица
не нарушит тишины
прерывистым криком
в следующем кадре
мы идем по пустыне
несем кувшин молока
ты отвечаешь на все вопросы кивком головы
у меня неделю назад сломались часы
в следующем кадре мы идем назад

мы доходим до осени
перелистываем календарь
отмечаем дату красным карандашом
мы еще вернемся и в эту комнату, и к этим карандашам
пыльный подоконник протрем

поседевшие васильки в пол-литровой банке стоят на окне
за окном – река
до краев полна молока
и смерти нет

Море, нарисованное на бумаге

1. река

у твоей реки четыре берега
два из них обитаемы
два заселены сказочными животными
по преимуществу драконами и говорящими голубями

твоя река течет из Европы в Азию
несет свои пенистые воды
от ворот Парижа
через Гамбург и Кенигсберг
в суровое восточное море

на дне твоей реки
стоит город из воздуха и песка
им правит
чудаковатый король
с неприкаянной королевой
по утрам они открывают окна
и замок наполняется свежей родниковой водой

твоя река
впадает в четыре моря
на карте обозначено
только два

2. *море южное*

так мы и останемся стоять
на старой фотографии
у самого черного моря

будем смотреть на птиц
рисующих на мокром песке иероглифы следов
на застывший ветер
на солнце
навсегда зависшее над горизонтом

мы будем обнимать друг друга несмелыми движениями
бросать плоские камешки на неподвижную гладь воды
провожать и встречать
вымысленные пароходы

а фотография
будет лежать в альбоме
под слоем пыли
и мы, как те старик со старухой
останемся стоять
на залитом солнцем песке
у самого черного моря

3. *море северное*

чайка всегда прилетает
в самую ответственную минуту
открывает клюв
роняет тебе на ладонь
мелкую серебряную монету

теперь ты можешь купить у уличного торговца
стакан янтарной искрящейся газировки
подать бродячему музыканту на сигареты
бросить свое серебряное богатство
в соленые балтийские воды

ты знаешь:

чайка прилетит

в самую ответственную минуту
и усядется к тебе на ладонь

4. *море, упомянутое средневековым путешественником*

воды его зеленеваты,

на вкус горьки

берега его к северу скалисты,

к югу песчаны

заселены людьми неизвестной расы

ростом они низки, темноволосы

знают огонь, занимаются рыболовством

имеют такой обычай:

девушек на выданье отправляют в лодке на дальний остров
и женихи плывут за ними в грозовую ночь,
ломая весла

отцы же за дочерьми ничего не дают в приданое
кроме огромной рыбы с серебряной чешуей
и бирюзовыми плавниками

кажется, эти люди поклоняются морю
и других богов не знают

больше мне о них ничего не известно

5. *море, нарисованное на бумаге*

бирюзовое море

скомканный континент

а позади – холмы

такие настоящие

глаз не оторвать

слов не выговорить

и не вымолить

нужных слов

а красок не хватает
бумага рвется
и пишешь
черным по черно-белому
светло-голубым
по светло-зеленому
бледным
по бледному
рисуешь новое море
новую землю
и новые города на ней
с каждой страницей
все отчетливей
береговая линия
все меньше
бирюзового

* * *

в августе собирали выросшие на деревьях слова
складывали в корзины, плетенные из лозы
относили слова домой

и никто во всей деревне не мог сказать
зачем в преддверии осени собирают слова
зачем кладут в корзины из виноградной лозы
зачем приносят слова домой

а слова лежали в корзинах до самой весны
пропитывались ароматом виноградной лозы
и никто всю зиму не вспоминал о них

весной слова прорастали, давали начало новым словам
и никто не мог вспомнить откуда они взялись
а слова разрастались, обрели смысл
превращались в клены
лиственницы
дубы

ЛЕВ ОБОРИН

К зубу плезиозавра

Как сапфиры не умирают
в перистальтике тусклой земли
так в насыпном песке, позднее налете
ты лежал живой, и кто я такой
чтобы через семьдесят миллионов
лет трогать тебя рукой
(перестаньте-ка улыбаться)
в нью-Йоркской лавке
по соседству с черепом человека
горками аммонитов по десять баксов
эмигрант из Марокко
в страну где наверно не будет второго срока
а потом в страну где маячит третий
(как это неважно)
все они тебе если не на один тебя
то на ряд подобных тебе
часть короля подводных тысячелетий
инструмент рыбацкий
лежалец пляжный
как сапфиры, как шпат.
как лежат и не умирают.
как ничто никогда не умрет.
как никто не умрет.

* * *

из ремонта в коттедже за мкадом
улетая на пир в валгаллу
он сказал двум рабочим бригадам
указав на две столпки в углу:

– вот оранжевое-голубое,
нажитбе в нечестной борьбе, –
половиной обклейте обои,
половину оставьте себе

* * *

Это возраст, когда начинают здороваться за руку – позже первых мыслей о девочках, но задолго до первого опыта. Поначалу неловко и как бы стыдась. В это время еще марсианская пыль набивается в горло по ночам и в особенные дневные минуты.

Потом это тоже проходит – оглядываясь назад, сравнишь это с последним приземлением шаттла: тихим ночным величием прощания для посвященных. Ты узнаешь только потом, вспоминая и увлекаясь.

Откуда-то – вдруг – привезенное поведение. Выдуманные любимые цвета. Взятые с потолка любимые марки напитков. Роскошь придумывать то, что любишь. Становление в пристрастии к спискам и результатам.

И это пройдет, было написано на кольце, которое, говорят, нашли в отложениях мелового периода – такое называется неуместный артефакт. Попадет в компанию к винтикам и бороздчатым сферам, жалким мелочам, забытым в гостиничном номере.

Человек, уставший быть человеком.
Сбрасывающий тело, недолго следящий, как оно падает в расщелину кожурой, занятно переворачиваясь.
Человек, утекающий с тора Земли.
Сохраняющий память как топливо.

Мелочь, набравшая высоту и величие, муха, угодившая в самолет.
Рукопожатия отменяются, как говорили люди, по обыкновению, не ведавшие, что говорят.

* * *

каталожник я и книжник
ты художник передвижник
спросишь чем стекло покрылось что в окне туманит сад плача от
потери силы я отвечу конденсат!

то в ушах моих концлагерь
марширующих с бумаги
слов которые не имя тут себя я оборву я уже люблюсь ими
улыбаюсь и живу

* * *

Мы не жили при большом
театре и терроре
мы насажены на шомполы своих теорий
нам охота нагишом
в большое море

Мы не жили при большом
ни взрыве ни отскоке
мы не впитывали шум при сомме на вудстоке
палашом и бердышом
нас не кололи в боки

Скажи спасибо проводнику
если чего-то не понимаешь
пока не сказал ты не вовремя помираешь
скажи спасибо проводнику

Воде ли катушечному реле
девочке из паблик релейшн
совету старейшин отвесившему затрецин
(пусть будет не так тяжело в земле)

* * *

рассказали в постели ассанжу что он неправ
и постели новые сикрет и классифайд
вот учитель талдычит классу а класс зевает

димыч запек ледышку в снежке и попал колянну в айфон
что ж он слоупок такой ну сейчас поднимется вонь
с неба утечка снега и never enough

* * *

Мякиш хлеба в утиной гуще
подобен черной дыре
(но бел и действует не везде –
значит, нейтронной звезде).
Птицы втягиваются в плывущий
комок на пруду в октябре –
редкая благодать,
скоро вам улетать.

Но останутся водолазы,
обозначившие себя
кленовыми лапками на воде,
а тело понятно где.
Неспокойно, но весело глазу
смотреть, как они рябят,
пробовать сосчитать,
скоро вам улетать.

АЛЕКСАНДРА БАБУШКИНА

* * *

если дорога
тени справа и слева бегут быстрее чем мои слова
солнце перекачивается через электричку
слева направо
за поля за леса
за эти густые густые травы

пахнет летом и лесом и будущим дымом
немного страшно
но
знаешь
бутоны новые всегда начинаются красными листьями

научим меня говорить

электричка въезжает в вечер на полном ходу
входит в свет в запаха травы
солнце входит слева направо
как пишет

бессловесность ли побеждает
в музыке может быть
тишина ли вечерняя до утра

электричка въезжает мы входим на полном ходу
в свет вечерний в запаха травы

научи говорить научи молчать научи говорить
входим в запаха земли в самую его суть

солнце перекачивается за поля
в тишине вечерней пахнет травой и землей

научи меня говорить

* * *

в какие

Долины

меня

привела

ладонь или лань

река под землю уходит

ушла

землей между пальцев

снегом последним

нежность пронзительности

на рассвете дня

когда переводят часы

пронзительность нежности

ладони и лани

* * *

не эмоции ради

просто мир разрушаясь теряет и сущность и плотность

помнишь мир это текст

создаем твоими моими твоими словами

(объясняет понятие через другое и не иначе

если образ в словах

то какими словами смогу передать

твою сущность и душу)

не риторики ради

но слова оживают и дышат и смотрят как дети

ты бежишь от толпы в тишине находя и слова и какой-то

примерный порядок

оживают слова и идут снегопадом над миром словесным

помнишь мир это текст

(я иду в снегопад

и в беззвучии даже слышу текст

разговор нескончаемый

жизненно важный)

о беззвучие это
как слова подбирать вырывать изо льда или строить из снега
если завтра весна то какие из этого текста распустятся ветви
зеленые
робкие

что построим в словах то останется дальше чем мы
даже дольше чем кто-то

помнишь мир это текст
мы с тобою слова
и какие слова подберу для тебя из ветвей или снега

говорить говорить и писать о тебе и о том что
закричать
но нельзя
потому что услышат чужие

остается шептать и писать и хотя бы в словах прикоснуться
прикоснуться к тебе
называя и текстом и жизнью

* * *

это здесь в отдалении у меня есть множество слов
а в момент разговора остается дается слово одно
и нет времени думать только слово одно нужно всю жизнь
вместить
самую суть
одним словом
самую суть

я волнуясь теряюсь теряю слова смысл слов
мне одно остается какое оставить из слов
самое важное
одно слово
самое важное
знаешь ли что мне всего важней

отдаю все слова осыпаются серой промерзшей листвой
остается лишь слово одно одно слово сжигает листву
она и без того на просвет будто горит
и под снегом не ворох листвы а огонь
знаешь ли что мне всего важней

это здесь в отдалении пепел от множества слов
а в момент разговора остается слово одно
остается все меньше времени
так говори
остается все меньше времени

я называю тебя по имени

* * *

сент-август
сквозит на просвет листва
что там по сторонам дороги
то ли пошлость во все времена темна
и душна
то ли суетность одолевает
ходишь и ходишь
туда и сюда без толку без цели

сент-август
или как там его зовут
это время немного до и немного после
это дождь по ночам и гроза или просто вода из луж
поскользнуться упасть и летишь и едят ли мошек и кошек
персонажи которых еще не придумали
которые на складу

сент-август
не успеть до звонка до зонта
а листва на просвет становится будет только нежнее
что там что там по сторонам
то ли ходишь и ходишь

ТО ЛИ СМОТРИШЬ НА СОЛНЦЕ А ЭТО ЛИСТВА И ЛИСТВА
ТОЛЬКО СЛЫШИШЬ
ДАЛЕКИЙ ЗВОН ИЛИ ТИХИЙ ХРУСТ
ЧТО ТАМ ЧТО ТАМ
ТО ЛИ СТЕКЛО ПОД НОГАМИ ХРУСТИТ
ТО ЛИ ЖЕЛУДЬ
ТО ЛИ СВЕТ ВО ВСЕ ВРЕМЕНА ТЕПЛ И ЖЕЛТ

ЕКАТЕРИНА ЗАХАРКИВ

* * *

Прошедшее не оправдается
Ни верными словами,
Ни вратами,
Закрытыми за спиной.
Следующая станция
Вторится голосами
Девочек, редко рассаженных по вагону.
Подъезжаем к конечной.
Глаза подземелья не закрываются, но сужаются,
Фокусируясь на вечном,
На основном.
Никакой ответ не будет произнесен
Пока не приблизишься.
Мы двинемся слишком быстро,
Чтобы почувствовать ритм.
Распоротое городское утро,
Над ним
Происходят твои шаги,
И то, как с трудом дышу
Только с ними неслышными соотношу.
Я – столб красной воды, бьющий вверх,
Впадающий в яростную звезду,
В нем все пропадает
Кроме ветра и взгляда,
Устремленных на меня отовсюду.

* * *

там беззвездное, выгоревшее, пустое
одинокое, воющее, городское
мертвецом повисло и ждет,
будто кто-нибудь да найдет

ты находишь.
камни сами слагаются в лестницу

до хрустального полумесяца,
а поднимешься – пропадут.
стой среди ничего
и смотри на свою
прожитую страну

для легкости
нужно быть полностью отпустившей,
отринувшей, отрешенной и разлюбившей,
не искать в круговерти край
будто бы в страшном сне.
господи, оправдай
было бы перед кем

перед собакой
падающей в толпе

* * *

выходит, что все неправда.
нет места ночи: невидимые женщины
и мужчины посреди реки или бульвара
дают представление о преходящем и вечном
в маскарадных костюмах в танце румба
que, sólo, dónde у suándo

прозрачные лошади проносятся по мосту,
в то время как ты заходишь в пустой дом
на ходу растворяясь, теряя себя на ветру
снимая кожу, мясо и кости вместе с пальто
с концентрацией взгляда
бросая на пол
sólo dónde у suándo.
лунное снов полотно
печали бесшумное стадо
выходят через окно

потому что одиночество доказуемо
и значит – слабый мираж, как призрак

как признак страха или безумия
готовый разбиться от одного касания
твоей или моей руки, дыхания любви
осени и огня.

я вижу твои глаза
sóto dónde y cuándo
как, где и когда

ЕВГЕНИЯ КОРОБКОВА

Тетя Люся

(быль в трех частях)

1.

Как-то раз пришла я к Вале.

Мы не бегали как кони.

Мы прохожих обливали,

Тихо сидя на балконе.

Говорили люди: "Ой!"

Было им до слез обидно:

Кто-то брызгает водой,

Но с земли его не видно.

Обливаем, значит, ржем,

Но не знали мы тогда,

Что над нашим этажом

Нависает, как беда,

на балконе

ТЕТЯ ЛЮСЯ!

Здесь, наверное, прервусь я!

Как она нас поливала –

Слышали за два квартала.

От стыда до этих пор

Я хожу, уставясь в пол.

2.

Из-за этой тети Люси

Делать гадости боюсь я.

Лишь замыслю – страшно мне!

Ну а если тетя Люся

наблюдает в вышине?

Эй, тетя Люсь, имей в виду,

Я себя прилично очень

Двадцать лет уже веду.

Исправляюсь, между прочим.

Вот пройдет еще пять лет,
Встретимся с тобою вряд ли:
Накоплю я на билет –
В космос улечу на шаттле.

3.

На луну я улечу,

Буду делать, что хочу!

Но пока жилье снимаю
На последнем этаже.
Никого не поливаю.
Не до этого уже.

Но с балкона моего
Видно всех до одного.

Вчера смотрю
смотрю,
и что же

Соседка
первоклашка

Света

Стреляет
сверху по
проходим

Из
водяного
пистолета!!!

Как я задала соседке
За стрельбания водой!
Неповадно будет Светке
Заниматься ерундой.

Только как же буду жить я?
Ведь теперь не разберусь я.
Кто же, кто же я, скажите:
Женя или тетя Люся?

Пенсия

Старушка стащила творожный сырок
Она получила хороший урок
Старушку за это постыдное дело
Прилюдно ругала начальник отдела...

Господи, нет.
Я надену наушники стерео,
Выбегу,
включу громкую песню.
Господи,
я хочу стареть, как дерево.
Чтобы
не выходить на пенсию.

Страшный сон

А я не собиралась умирать
а я не собиралась умирать
Я в лес за земляничкой собиралась.
– Надень ушанку, – кто-то говорит
чтоб не схватить отит на оба уха.
– Надень ушанку, – кто-то говорит, –
Не то схлопочешь страшный гайморит.
– Надень ушанку, – кто-то говорит, –
у нас же не понос, так золотуха.

А я не собиралась умирать,
Я в лес пришла, но там стояла осень
Я вместе с ней осталась постоять,
надела шапку, как велела мать,
Но мне и в шапке было сорок восемь.

Дзен

В коробке пластилина
лежала красота:
послушные брусочки,
все радуги цвета.
Мне подарили, ибо
мне исполнилось пять.
И я сказал «спасибо»
и начал вылепливать.
Я вылепить хотел
зверушек, будто в сказке,
Но только ничего я вылепить не смог,
и я тогда схватил
лепешки и колбаски
и все скатал в один коричневый комок.

Был папа очень сильно удивлен.
Он маме в кухню крикнул: «Маша, глянь:
Был абсолютно новый пластилин,
А получилась редкостная дрянь!»

Посвящение очень дыльному комбинату ММК

Мы, на планете обитая,
Привыкли думать, что планета
Все получает из Китая,
Из сои и из Интернета!
А вот и нет,
а вот и нет,
Не соя и не Интернет,
Магнитогорск китайцев круче.
Я видел сам, наверняка,
Из труб завода ММК
В мир поступают облака
И тучи!

ТАТЬЯНА МУРАШОВА

Будапешт

Солнце Будапешта осталось на щеках
Розовым цветом заката,
Мы провозжали последние капли его
Под звуки венгерской речи,
Неясной и не похожей на то,
что известно.
В Дунай волшебный форинт брось,
Кудрявые улицы Буды распутай,
Останься таким как есть:
Бесцельным, отставшим от поезда
Наедине
с этим странным пространством,
С огромным базаром, куда,
Будто в музей, экскурсии ходят:
Шумные итальянцы, русские патриоты,
Снобы-британцы и
американцы, куда без них... Пробуй
Пробуй на вкус оттенки, краски смешивай,
Запах апрельской сирени тоже возьми с собой,
Это радость твоя, путешественник.

* * *

Пусть каменные джунгли мне простят
того, что не люблю и не люблю.

В горах дожди,
листовою пахнет прелой,
а воздух невесом и неизбывен,
и утро все такое же дрожит,
как в те минуты долгие когда
мне это утро было все равно,
и будто бы не горы, а равнина
внутри меня.

Теперь издалека
все видится другим и совершенным,
и сказочно чужим и не моим,
и кажется, что выше я была
не от горы.

СЕРГЕЙ СДОБНОВ

31 – 1

Отрицать все, что молоко с кровью
Ждать, что Земля назовет гоем.
Чуять следы дождя, переходя
По белым – черное, слышать,
За кирпичной стеною
дочка дергает клавишу ля,
Сливаясь с гобоем чайника
в кухне мать перекрывает воем,
Пульт забрызган слюною, экран –
Склонность заполнить вечер,
Не только живым и калечить
Каждую вещь, кроме себя,
И что? Первое января. Зима.
Ветер не принимает слова,
Праздник, и вечера – друзья.
Кружатся роем
Море, через стакана края.
Сосед за стеною
Падает елью лесною
Тридцать первого декабря.

* * *

Святая или светает
В мае раньше, чем оно заполняют город
Прорва песка на ладонях
Мурашки вроде женском
Или мужском обличье
Привычка вставать в угол, уходит
Пока закрывают двери.
Притолоку задевать плечом
Чертыхаться слева направо
Быть ни при чем

ОЛЬГА ТУРКИНА

* * *

Всё о тебе,
Широкоформатное короткометражное счастье.
Свет погасил себя, и темнота стала серо-коричневой,
Пятна рассредоточились по комнате.
Стихи на костылях: подстрочья, двуречья.
Книга раскрыта, лежит белой астрой.
Так хочется не помнить ничего.
Память подводит тем, что никогда не подводит.

Инверсия

С кем ни был когда-либо,
на вопрос «ты ее/его любишь?»
отвечал «...она/он хороший...»,
а потом встретил того,
про кого на вопрос «он хороший?»
отвечаешь «я люблю его».

Длина слова

розовое небо зеленые фонари
она говорит: «пошли... ну пошли...»
глаза громче голоса
и тут Это Слово...
акустика камня
это слово длилось полторы секунды
если эхо пропоет – то семь
но во мне оно до сих пор длится

Про рубить

Этот человек не понимал, как можно рубить деревья.
Он долго говорил об этом непонимании.
И пошел дальше подстригать газоны.
Равнять газоны с землей, с бензокосилкой вместе весело шагая.

Еще не охваченные воздушной старостью и сединой
одуванчики
падали, как домино, миниатюрными солнечными пальмами.
Вместе. Весело.
Неподалеку девочка
растерянно держала пальцы такими же пальмами.

Потому что собиралась нюхать цветы и гладить,
изучать их горькое молоко.
Но теперь сплетет из них венок.
И повесит
о них в память
у дороги.

СЕРГЕЙ ГЕЙЧЕНКО

МОХ

Откровения человека, не могущего собраться с силами,
Не слишком откровенны, потому что он
плохо чувствует, не может определить истину,
а без истины неискренны откровения.
Нынче я на острове Катаиха —
помеси китихи и катарсиса —
делюсь треской с муравьями.
После полуночи
солнце здесь так и не село.
На следующий день узнаю, что
Остров называется Котоиха:
вместо очищения появляется кот.

Видели будто тюленя,
лохматого, как вымытая собака.
Но не я, а Владимир Ильич
(Небезызвестный рыболов Владимир Ильич
с нами на острове).
Я — только зайца.
Вот он, порядок вещей.

День третий. Остров называется Кокоиха.
Теряю присутствие духа.
Мы наконец уплываем дальше.

ХОЛИНУ

Мама мыла раму
Лама мыла Ранму¹
Мила мыла мима
Мымра драла рану

¹ «А в этом озере утонула большая влюбленная панда».

Быдлу мира мало
Люся мяла Рому
У аэродрома
В тишине гарема
Презиная время
Мало говорим мы
Баловали Римму
Никанор не в рифму
Помидор не рядом
Random roman-pogman
Rambo Dumbo/дамба с нимбом
Самба румба мамба
И Сережа тоже.

ЮРИЙ УГОЛЬНИКОВ

Я придумал игру: рассказ мальчика

– Я придумал игру, будто бежишь рядом с поездом, ну, будто это я бегу. То есть, на самом, деле я здесь сижу, а там я как будто тоже бегу. Представляю: по гаражам, мостам, перепрыгивая, по лужам, через канавы, заборы... Иногда они слишком высокие, тогда я отстаю от поезда, но я всегда его догоняю, всегда.

А еще есть игра, будто я еду и все, что проезжаю, режу на части. Если ехать в лесу, то это интересно, там много деревьев, их можно резать: проехал, и нет дерева больше, только щепки. Только оборачиваться нельзя – обернешься, а все как было, а надо представлять, что его уже нет, что больше ничего нет.

Если играть в «бег» и в «как будто режешь» сразу, немножко страшно, но я все равно догоняю поезд.

Старуха

Все меняется, все течет,

В магазине переучет,

Продаются арбузы в ларьке.

Люди идут по улице, будто бы по реке,

Плывут, исчезая, вдали,

Маленькие кораблики и крупные корабли:

Все проходят, и я прохожу, и никто никому не мешает:

Вот дом, в котором старуха, который год, умирает.

Утром, собрав в школу внука, у окна садится и ждет,

Смотрит, как все проходят: она тоже скоро пройдет.

Бледный блин

Бледный блин на просторной тарелке,

Разметался, как лист в сентябре,

Он последний, несъеденный, мелкий,

Но его не осилить уж мне:

Бледный блин, он желает быть съеден,

Он как будто ко мне

Обращает свой мысленный взор,

Но едою, увы, мой желудок не так уж и беден,

В холодильник его уберу я до лучших, до пор.

ПЕРЕВОДЫ

ДЕНИС БЕЗНОСОВ

Дэвид Гаскойн

Нет решения

Выше и ниже
Сверток дней разворачивается тканью
Дни выгравированы на лбу каждого
Вчера сворачивает Завтра открывая
Сегодня как лошадь без наездника
Сегодня капля воды падающая в озеро
Сегодня белый свет выше и ниже

Веер дней в девственной руке
Горящий шпиль горящая бумага
И ты не сможешь больше ни возвратиться
Ни остановиться
Слова стихов вьющиеся среди пепла
Иероглифы большего отчаяния чем наше.

Неделя благотворительности

Максу Эрнсту

Подарили льву медали из грязи
По одной на каждый день недели
По одной на каждого животного в этом мрачном зверинце
Потерпевшем кораблекрушение среди облаков
Разрушенном опущенными с силой веками

Одежду для семинарии
Надевает экспедиция лунатиков
И все химеры
Вползающие в окна
Со вшами в волосах
На их крестах отсутствие
В глазах лед

Истерия по поводу лестницы
Волосы вырванные с корнем
Кружевные носовые платки, порванные на клочки
И запачканные кровавыми слезами
Их обрывками засыпана вода

Это явление нуля
Невидимые люди на мостовой
Плевок в желтой траве
Отдаленный грохот бедствия
И взрывается огромная утроба желания.

Орфей в преисподней

Занавес из скал
И слезы камней,
Влажные листья в высокой расщелине неба:
Шторы раздвинуты в стороны
Жесткими руками.

И он пришел, держа расколотую лиру,
И на нем была голубая королевская мантия,
И он смотрел глазами, словно дырами, прорванными в экране,
И далекое море слабо шумело
Время от времени, когда поднимался ветер,
Как разбитая песня.

Из его сна время от времени
С полуоткрытых губ
Соскальзывали смущенные слова, пытаясь рассказать
О его яркой ночи,
О его дне под тенью крыльев
Стремительный полет мысли под солнцем
Над островами в море
И над пустынями, над пастбищами и равнинами
Рассеянных чужих земель.

Он спит с разбитой лирою в руках
И вокруг его сна сомкнулись
Жесткие шторы, слезы и влажные листья,
Холодный занавес из скал спрятал бездонное небо.

Хосе Мариа Инохоса

ИЗ КНИГИ «ПОЭЗИЯ В ПРОФИЛЬ» (1925)

Элегия дыма моей сигары

Не долго длится танец.

Ткать и связывать
арабески из шелка
и запутанные петли
чтобы после их оставить
исчезать из виду.

Воздух грызет твою сердцевину,
о, Прометей белый;
ты навсегда привязан
к треску пламени.

Сигара
волосы распускает
слабые и седые.

О, Прометей белый,
кто освободит тебя
из когтей пламени!

Последнее признание

Я хочу быть очень вежливым
с немой птицей,
хранящей секреты.

Крылья летали
отдельно от тела
сквозь гладкую атмосферу,
без цепей тумана,
воздуха свободы.

Часовой циферблат
парил над землей
вдыхая воду
и песка сердцебиение.

Появились две тени,
одинаковые, но не знающие об этом,
мягкие, но не желающие этого;
шоссе ночью
без конца и без начала.

Каждая из них дрожала
прежде, чем опали
капли с моего неба;
прежде, чем созрели
капли моего моря,
они кровоточили в моей плоти.

Пропитанные неспелым виноградом,
– сок девственный, металлический –
я беру соленые губки,
чтобы смочить свои губы.

Часовой циферблат
отрывает точное время
от холодной плоти,
покрытой пеплом.

ИЗ КНИГИ «РОЗА ВЕТРОВ» (1926)

Е (восток)

Я покрасил сетчатку моих глаз
в лимонно-желтый цвет
и прикрыл веки,
чтобы рассматривать солнце.

Я поймал в свой полет
пение гейши
голосом тростника
и пальмовым ритмом.

«Ли Тай-Бо написал
свои последние стихи
пузырьками воздуха на воде
в лодке без килля
и на пергаменте,
согнутом между берегами».

Гейша продолжает свое пение
в превращенной водяной лилии.

«Ты будешь пить свет из света
прежде, чем иней
поставит свою подошву
на твое цветущее миндальное дерево».

Из моей бамбуковой лодки
я видел, как хитрил
с дикими утками
алмуд китайских знаков.

ИЗ КНИГИ «КРОВЬ СВОБОДЫ» (1931)

Мы ждем Судного дня

На этой девственной земле летают только птицы,
их крылья ворошат воздух, покрасневший
от крови тех сердец беспредельных,
навсегда распятых на алюминиевых крестах
и покрытых кожей обнаженных женщин,
бредущих на ощупь по далеким лабиринтам.

За этой оградой на всех языках,
если не пачкают тени, не стираются дорожки,
открытые крыльями от одного континента до другого
над слухами волн с одинаковым ритмом,
оставляя свободным голос сознания,
дробящий кости и рвущий слух.

В этой девственной земле зацвел мрамор,
и запах его цветов ранит ножами
заплесневелую плоть множества червей,
вытягивающих из своих вен потоки холода.

Под притолокой кура свои трубки,
мы спокойно ждем Судного дня.

АНАСТАСИЯ СТРОКИНА

«Йозеф Вайнхебер» – диалог Одена со своим великим соседом, размышление о природе фашизма, о его влиянии на творчество. Это стихотворение, написанное чередующимися пяти- и семисложными строками, звучит актуально и сейчас, спустя 44 года после его написания. На русском языке представлено впервые.

Улстен Хью Оден

ИЗ «ОДИННАДЦАТИ СТИХОТВОРЕНИЙ ПО СЛУЧАЮ»

Йозеф Вайнхебер
(1892–1945)

К моим воротам ведет
Узкая тропка,
Бежит из деревни в лес:
иду – всякий раз
думаю, не замедлить
ли шаг, заглянув
за ограду, где они
похоронили
тебя как любимого
домашнего пса.

Убежденные враги
двадцать лет назад,
теперь мы соседи и
могли бы дружить,
обитая в едином
пространстве Слова,
и за бокалом вина
могли бы болтать
о версификации,
о синтаксисе.

Это должно прозвучать:
разрушители,
слуги зла стали тебе
близки. Как ты им
верил, ты, кто с Геббельсом
мог о культуре
спорить: in Ruah Lossen?¹
Но негодяям
нужен скандал, а юным –
тем ты не нужен.

Если бы ты узнал, что
Франц Ягерштэттер²,
фермер из Раденгунда,
одинокое
«Нет» сказавший арийцам,
лишен головы, –

что бы сердце поэта
ответило им?
Но они постарались,
чтоб ты не узнал,

и стал неожиданным
неизбежный день,
ужасный день твоих слез
и прозрения –
ты, как в ночном кошмаре,
покончил с собой.
Ошиблось возмездие
в своем выборе:
dies alles ist furchtbar, hier
nur Schweigen gemass³

Не оплакал тогда я
час твоей смерти,
не сказал ты мне «здравствуй»,
когда впервые

я увидел Кирхштеттен
октябрьским днем в тот
год, который изменил
наш взгляд на космос,
тот annus mirabilis
смерти симметрий⁴.

Проигравшие страны
пришли в себя, здесь
из преступлений только
прозаичные
семейные случаи;
руины войны,
остались в прошлом, исчез
след насилия,
и не хотелось домой
пленным физикам.

Сейчас празднуем свадьбы
тех, кто родился
после ухода Тени,
но, если точнее,
она не ушла – только
переместилась:
испокон бесконечна
работа убийц –
(где выпивают они?
на ком женились?)

не было и не будет
вечного мира.
Кто знает, что значит жить
в безопасности?
ведь где-то втайне от всех
мужья и отцы,
как монахи, преданно
служат машине,

готовой в любой момент
сделаться смертью.

Но здесь, на этой земле,
я дома, как ты:
все так же короток век
людей и песен,
к непреложным законам
привыкли сады –
возрождаться в апреле,
жить до осени,
когда ветер сбивает
яблоки с веток.

Смотрю на равнину, на
скрытый от взгляда
городок Зихельбах – он
вытянулся на
запад к медленной Першлинг:
скромная речка,
среди своих великих
речных соседей;
позади меня горы,
впереди – Дунай,

тоже что твоё имя,
Сосед мой и Друг,
английским ухом ловлю
немецкую речь,
пытаюсь постичь твоё
мастерство: ты мог
слышать музыку скрипок
и песни цветов,
ты своей жизнью смог den
Abgrund zu nennen⁵.

- 1 Известно, что Геббельс спрашивал у Вайнхебера совета о дальнейшем развитии культуры и искусства, на что поэт ответил на венском диалекте: In Ruah lossen, т. е. «оставить в покое».
- 2 Об австрийском крестьянине Ягерштэттере, обезглавленном за неприятие фашизма, Оден узнал из книги Гордона Зана «In Solitary Witness: The Life and Death of Franz Jagerstatter», которую читал в июле 1964, собственно в год выхода книги. Примечательно, что восставший крестьянин родился, как и Оден, в 1907 году.
- 3 «Все это ужасно, здесь уместно только молчание». Из стихотворения Вайнхебера «Auf des Unabwendbare» («К неизбежному»).
- 4 Оден имеет в виду 1956 год, опыты китайско-американского физика Янга Чжэньмина и опровержение закона сохранения четности, который до этого года считался одним из фундаментальных законов сохранения.
- 5 «Дать имя Бездне» из стихотворения Вайнхебера «Kammermusik» (Камерная музыка).

ЮРИЙ УГОЛЬНИКОВ

Ральф Эмерсон

Снежная буря

Предвозвещенный ревом тысячи труб небесных
Приходит снег,

Он над полями реет, не снижаясь, будто

Белый воздух,

Скрыл реку, холмы, лес и небо,

Он завесил

Дом фермера в углу далеком сада.

Нет дороги

Для путника с повозкой, и курьер задержан

Друзьям не встретиться, лишь домочадцы

Сидят у горящих каминов –

Пленники снега, и выюг, и бушующей бури.

Приходите глядеть, как работает каменщик-ветер

Он извлек из невидимых каменоломен

Столь драгоценные камни,

Он неистовый, бурный работник,

Его бастионы белы и кривы,

Но можно представить,

Как над ними вздымаются крыши.

Возле балки, столба или дерева, или же двери,

Быстрее, чем это возможно,

Миллиардами рук совершая свободно работу,

Как дикарь он творит,

Не зная о числах и планах, насмешник,

Он навесил на старый курятник гирлянды,

Он лебедем сделал терновник,

От стены до стены, он заделал проход,

Раздосадовав фермера,

Над воротами острую башню поставил.

Но часы его сочтены,

Он исчезнет так, будто и не был,

Под солнцем оставив
 Изумленным искусствам,
 Для воссоздания зодчими в камне, камень за камнем,
 Навеки,
 Ветров безумных ночные работы,
 Строенья странные снега.

Уолл Уилтмен

* * *

Читая книгу, известнейшее жизнеописание
 И это (так я сказал) автор называл человеческой жизнью?
 Так кто-нибудь, когда я умру, станет писать и о моей жизни?
 (Разве кто-то хоть что-нибудь знает о моей жизни?)
 Я сам часто думаю, что знаю так мало, или совсем ничего не знаю
 о моей настоящей жизни,
 Только несколько слабых намеков, несколько спутанных
 неуловимых нитей,
 Их я пытаюсь здесь развязать для себя самого.)

* * *

Я спал и мне снился город, несокрушимый для сил остальной земли
 Мне снился небывалый город, город Друзей,
 В котором ничто не ценилось выше надежной любви,
 Каждый час она отражалась в делах людей, населявших его,
 В каждом слове и взгляде.

СТРАХ ПОЛУКРУГЛЫХ ДАТ

«Есть свой парадокс в сборниках, подобных этому», – писала Данила Давыдов пять лет назад в послесловии к первому, еще не имевшему на обложке соответствующей цифры выпуску альманаха «День открытых окон». Он был небольшим по объему, довольно эклектичным по наполнению и – что самое главное – собран и издан исключительно по инициативе и силами студентов. Действительно, парадоксальности, смелости и даже авантюризма в этой идее было очень много. Больше, чем нам тогда казалось.

Впрочем, цифра пять, красующаяся на обложке нынешнего выпуска и пугающая своей вычурной «полукруглостью» – потому что до «круглой» цифры, обладающей полноценным овалом-нулем в придачу к единице, дело может по тем или иным причинам не дойти – всего лишь повод, чтобы начать этот разговор. Разговор о трех взаимосвязанных проектах (творческом объединении «ЛитПроект», альманахе «День открытых окон» и Фестивале университетской поэзии), результатах их пятилетнего (плюс-минус полгода-год) существования и – о это страшное слово – перспективах на будущее.

Для начала вспомним 2007 год. Перед началом зимнего семестра, еще в каникулы, тогдашняя второкурсница Института лингвистики Анна Орлицкая и тогдашняя третьекурсница Института филологии и истории Александра Бабушкина ходили по РГУ со стопкой распечатанных на принтере объявлений и развешивали их на информационных стендах. Это были приглашения на первую встречу «Литературного Проекта», нового творческого объединения, организованного по образу и подобию московских литературных площадок. Встреча прошла вполне успешно, затем последовала вторая, третья и так далее.

Первый сезон «ЛитПроекта» – весенний семестр 2007 года – оказался наиболее плодотворным. Сейчас ничем, кроме счастливого стечения обстоятельств, этот успех не объяснить. Достаточно вспомнить, что по результатам чуть более чем трех месяцев работы нам удалось собрать 90-страничный (!) первый выпуск альманаха «День открытых окон», куда вошли стихи и проза 25-и студентов РГУ. Послесловие Данилы Давыдова, презентация на одной из площадок «Культурной Инициативы», упоминания в рецензионных блоках «Книжного обозрения» и «Воздуха» – очень неплохое начало

для «самоорганизовавшегося» литературного издания, да к тому же молодежного.

Второй и третий сезоны «ЛитПроекта» (осень 2007 и весна 2008) тоже были наполнены разнообразной деятельностью, в основном связанной с презентациями новорожденного издания. В марте 2008 года мы наиболее тесным дружеским кругом из числа «литпроектцев» даже съездили на своего рода гастроли в Смоленск, где представили альманах в местном университете.

Однако было очевидно, что ограничивать свою деятельность только рамками РГГУ бессмысленно – на второй более-менее качественный сборник набрать материала не получится, а делать его хуже первого нельзя. Да и встречи в РГГУ становились все более редкими и малочисленными. Тогда возникла идея провести поэтический фестиваль (благо опыт посещения подобных мероприятий имелся) и собрать на нем молодых авторов из других вузов и городов.

! Московский фестиваль университетской поэзии состоялся в октябре 2008 года. На нем собралось более 50-и авторов из десятка городов России, в числе которых были не только новички, но и уже известные в литературных кругах молодые поэты. По его итогам примерно через полгода вышел второй выпуск альманаха «День открытых окон», значительно превосходивший первый и по объему, и по уровню текстов.

Последующие три года мы каждый раз меняли что-то в регламенте и в перечне мероприятий фестиваля, придумывали что-то новое. На второй фестивале мы пригласили молодых авторов, пишущих по-украински и по-белорусски, на третьем провели «конкурсные» чтения, на четвертом – конференцию с переводческим блоком, пригласили нескольких поэтов старшего поколения в качестве гостей. По следам каждого фестиваля выходил очередной выпуск альманаха. Презентации проходили не только в Москве, но и в других городах (Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде, Смоленске, Рязани), везде на серьезных литературных площадках. Однако неоднократные попытки возродить регулярные встречи в РГГУ так и не увенчались успехом. В какой-то момент «ЛитПроект» стал исключительно номинальной институцией, в рамках которой проводился фестиваль.

Здесь хотелось бы закончить исторический экскурс и поделиться некоторыми размышлениями.

Первое. Неудачные попытки возобновить регулярные встречи «ЛитПроекта» в последние три года, с одной стороны, и наблюдение за деятельностью литобъединений в других вузах, с другой, приводят к не самому утешительному выводу: создать в университетском пространстве эффективно работающую структуру, «воспитывающую» молодых литераторов в несуетском понимании этого слова, ориентированных на актуальный контекст, включенных в сегодняшнюю литературную жизнь представляется практически невозможным. По крайней мере, здесь и сейчас. Проект «университетской поэзии» по западному (и, в первую очередь, американскому) образцу в современной российской ситуации, судя по всему, невозможен. Можно было, конечно, и не ставить эксперимента под названием «ЛитПроект» в отделе взятом (и, заметим, одном из лучших в гуманитарной отрасли) вузе, но мы поставили – и на практике убедились в том, о чем так много говорилось и говорится в теории.

Второе. Альманах, хотя и старше фестивалей почти на полтора года, нередко воспринимается как нечто второстепенное, как «сборник по итогам». Во многом, пожалуй, так и есть: собственной концепции издание фактически не имеет. Однако, как отмечал Данила Давыдов в послесловии уже ко второму выпуску, «бумага требует не то что более требовательного, но просто иного [чем выступление на фестивале – А.О.] наполнения», поэтому не все приехавшие на фестиваль становятся авторами альманаха. Тем не менее – я не перестаю из года в год это повторять – альманах представляет собой отдельный, независимый проект, связанный с фестивалем неокончательно и, возможно, временно. Составление очередного выпуска – не механическое заполнение пустых страниц прочитанными на фестивале текстами, а отдельная работа, цель которой – создать целостную, самодостаточную книгу, устроенную по определенным – явным или неявным – правилам, своего рода текст второго уровня, метатекст.

Несколько парадоксально на этом фоне выглядят придуманные нами два года назад, на третьем фестивале, «конкурсные» чтения (первое слово специально берется в кавычки, чтобы не ставить это мероприятие в контекст малоосмысленных конкурсов для молодых стихотворцев, проводящихся в том числе и вузами), вернее, присуждаемая на них награда – публикация в альманахе. С одной

стороны, это позволило выстроить определенную иерархию внутри фестивального сообщества (и это, разумеется, плюс), с другой же – вспомним опять-таки слова Давыдова – безусловно, некоторые тексты лучше и интереснее воспринимаются на слух, а публикация во многом лишает их тех достоинств, за которые они были отмечены жюри. Тем не менее, публикация в данном случае вполне эффективно работает как средство легитимации художественного текста и – через него – творческой деятельности того или иного автора, как механизм отбора и включения в фестивальное (в данном случае) сообщество.

Теперь, если переходить к заявленному в начале статьи обзору перспектив на будущее, в отношении альманаха скажу следующее. Не секрет, что книга в эпоху электронных средств массовой коммуникации окончательно утратила роль физического носителя информации и приобрела – по крайней мере, в поле современной русской поэзии – как минимум две функции, о которых мы уже говорили: легитимирующую и метатекстовую. Легитимацией себя и своего поколения мы в той или иной мере занимались все эти пять лет (кому это помогло, а для кого осталось незначительной строчкой в биографии, уже не наше дело), теперь же пора уделить внимание концептуальной стороне проекта. То есть книга должна быть такой, чтобы восприниматься в первую очередь как полноценный и сложный организованный арт-объект, а не как естественное следствие прошедшего где-то и когда-то мероприятия. К чему это приведет, пока сказать сложно, но мне кажется, это единственный действительно перспективный путь.

Наконец, третья мысль – о фестивале. Внимания и пересмотра здесь требует опять-таки концептуальная сторона проекта. Для начала разберемся, что она из себя представляет и в чем проявляется. Разнообразие читаемых на фестивале текстов никогда не было ничем ограничено – ни с точки зрения поэтики, ни тематически. Формальные критерии отбора авторов, изначально довольно нечеткие, постоянно варьировались (когда-то это были возрастные ограничения, когда-то – студенческий/аспирантский статус). Сама же концепция «университетской поэзии» – честное слово, не помню, как этот термин проник в название! – до сих пор крайне аморфна и неясна. Два круглых стола, прошедших на первом и втором фестивалях по этой теме, также мало что прояснили (материалы одного из них см. в третьем выпуске «Дня открытых окон»); характерно, что

подавляющее большинство участников дискуссии отрицает наличие феномена «университетской поэзии» в России). Поэтому, пожалуй, с фестивалем следует поступить противоположным образом, чем с альманахом: отказаться от расплывчатой концепции в пользу чего-то более широкого, понятного и формализуемого. Например, убрать из названия слово «университетский» и ограничиться возрастными рамками. Что из этого получится – опять-таки пока не очень ясно.

Впрочем, неясность будущего в сочетании с большими планам – вполне естественное (и, ко всему прочему, довольно романтическое) начало для нового этапа развития проектов. Интересно, будет ли в их истории «круглая» дата?

Анна Орлицкая

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ростислав Амелин (Москва). Родился в 1993 г. Учится в ЛИ им. А.М. Горького. Публиковался в Интернет-журнале «Другое полушарие» и в журнале «Тонкий журнал».

Александра Бабушкина (Москва). Родилась в 1986 г. Аспирантка РГГУ. Соорганизатор «ЛитПроекта» РГГУ и четырех фестивалей университетской поэзии. Участница фестивалей верлибра. Участница Виртуальной студии сайта «Новая литературная карта России». Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2010). Публиковалась в альманахе «День открытых окон».

Денис Безнос (Москва). Родился в 1988 г. Лауреат Международной отметины имени Даvida Бурлюка. Публиковался в альманахах «День открытых окон», «Опустошитель», «Aesthetoscore», «Ликбез», в журналах «Футурум АРТ», «Другое Полушарие», «Дети Ра», «Крещатик», «Новая реальность», «Окно», «Слова», «Топос», «REFLECT... КУАДУСЕСИЩТ», «Литера-Днерг», «Урал-Транзит», «Двоеочие» и «Журнал Поэтов», а также на сайтах «Полутона», «Черновик» и «Фонд Броуновского Движения». Подготовил к изданию три книги Тихона Чурилина («Последний визит», «Март младенец» и «Весна после смерти», Мадрид, 2011) и книгу переводов Дэвида Гаскойна («Сон Исиды», Мадрид, 2011). Автор книг стихов «Клетка черепаха» (2011), «Заулисье» (2011) и книги пьес «Околопьесы» (2011).

Фания Галямутинова (Нижний Новгород). Родилась в 1993 г. Студентка ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Участница поэтических фестивалей «Рифмология», «Речет», «Поробррик», «ГолосА» и IV Московского фестиваля университетской поэзии. Публиковалась в Интернете и в коллективных сборниках.

Сергей Гейченко (Ейск – Москва). Родился в 1988 г. Аспирант МГУП им. И. Федорова. Участник проекта «Полиграфомания». Победитель поэтического турнира МГУП в номинации «Малая проза» (2011). Публиковался в альманахах «Полиграфомания», журнале «Другое полушарие».

Александра Демакова (Нижний Новгород). Родилась в 1993 г. Студентка ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Участница поэтического фестиваля «Речет» и IV Московского фестиваля университетской поэзии. Публикации в Интернете.

Дмитрий Дзюмин (Омск – Санкт-Петербург). Родился в 1987 г. Выпускник ОГУ, аспирант РГПУ им. А.И. Герцена, основатель и куратор литературного проекта «АльтерНация» (с 2009 г.) в рамках которого с 2010 г. проводит различные мероприятия и акции (творческие вечера, арт-фестивали, круглые столы и пр.). Публиковался во многочисленных сетевых и печатных изданиях.

Екатерина Захаркив (Магадан – Москва). Родилась в 1990 г. Выпускница РГГУ, СГУ, учится в ЛИ им. А.М. Горького. Публиковалась в местных литературных журналах.

Алла Зиневич (Санкт-Петербург). Родилась в 1985 г. Выпускница СПбГУ, аспирантка ИРЛИ РАН. С 2006 г. редактор альманаха «Почерк». Участница Московских фестивалей университетской поэзии, Форума молодых писателей России в Липках, девятого майского фестиваля новых поэтов и XVII Фестиваля верлибра в Москве. Победитель конкурса «ПОЭТому» в номинации «Послушайте!» (2008), лауреат премии им. Велимира Хлебникова (2010), лонг-лист премии «Неформат» (2008, номинация «малая проза»). Одна из организаторов фестиваля современной поэзии «МЕГАЛИТ-ТРАНЗИТ-ПОСЛУШАЙТЕ!» (2010). Публиковалась в сборниках «ПОЭТому», «День открытых окон 3» и в сборнике по итогам Авант-фестиваля «Все путем» «Снежный ком», в журналах «Царское село» и «Царскосельская лира», в Интернете на сайте «Мегалит» в электронном журнале «АльтерНация».

Анастасия Каменева (Москва). Родилась в 1992 г. Студентка РГГУ. Участница IV Московского фестиваля университетской поэзии. Публиковалась в альманахе «День открытых окон».

Евгения Коробкова (Карталы – Москва). Родилась в 1986 г. Выпускница ЛИ им. А.М. Горького, аспирантка Челябинского государственного университета. Участница поэтического фестиваля «СловоNOVA», фестиваля верлибра в Нижнем Новгороде, лауреат Волошинского фестиваля. Публиковалась в журналах «Арион», «Знамя», «Октябрь». Главный редактор литературного альманаха «Тонкий журнал».

Анна Лазарева (Нижний Новгород). Родилась в 1990 г. Учится в ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Участница поэтических фестивалей «Стрелка», «Речет», «Голоса», XVIII Фестиваля верлибра и др. Лонг-лист премии «ЛитератураРРентген» (2009).

Галина Лобанова (Нижний Новгород). Родилась в 1988 г. Выпускница ННГУ им. Н.И. Лобачевского, аспирантка ФСН. Участница Международного фестиваля медиалогии «Вентилятор», XVIII Фестиваля верлибра, IV Московского фестиваля университетской поэзии. Лауреат I Окружного студенческого конкурса поэзии «Узней поэта!». Финалистка городского поэтического турнира литературного кафе «Безухов».

Екатерина Малова (Москва). Родилась в 1988 г. Учится в магистратуре РГГУ. Участница XVII и XVIII Фестивалей верлибра, организатор фестивалей университетской поэзии. Публиковалась в альманахе «День открытых окон».

Максим Маркевич (Москва). Родился в 1983 г. Выпускник МГУП. Член литературной студии «Полиграфомания». Публиковался в альманахах «Полиграфомания», «День открытых окон».

Татьяна Мурашова (Армавир – Москва). Родилась в 1986 г. Учится в ЛИ им. А.М. Горького. Участница форума молодых писателей

в Липках, фестивалю «Плюсовая поэзия», литературного проекта «Тонкий журнал». Публиковалась в коллективных сборниках петербургской литературной студии «Питер Пен» «Это мне небезразлично», в сборнике по итогам форума в Липках и др.

Лев Оборин (Москва). Родился в 1987 г. Выпускник РГГУ. Участник программы «Открытый мир» (США, 2007), Первого Чеховского книжного фестиваля, поэтических фестивалей «Свобода слова», «Стрелка», «М8», «Берега», фестивалей университетской поэзии, Лондонской книжной ярмарки. Шорт-лист премии «Дебют» (номинация «поэзия», 2004, 2008), лонг-лист «Илья-премии» (2009), шорт-лист Милошевского переводческого конкурса (2011), премия журнала «Знамя» (2010). Публикации стихотворений, переводов, статей и рецензий в изданиях «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Воздух», «Иностранная литература» «Зинзивер», «Дети Ра», «Сетевая словесность», «TextOnly», «OpenSpace», «International Poetry Review» и др., в различных антологиях. Книга стихов «Мауна-Кеа» (2010). Основатель издательства «Огурчики-Помидорчики».

Анна Орлицкая (Москва). Родилась в 1988 г. Выпускница РГГУ. Участвовала в поэтических фестивалях «Стрелка», «Молодой литератор», «Slowwwwo», «ГолосА», фестивалей верлибра и др., в литературных программах ряда книжных ярмарок (Таганрог, Львов, Париж). Шорт-лист премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2010). Публикации в альманахах «Абзац», «День открытых окон», «КИЛ», в журналах «Зинзивер», «Дети РА», «Арт-ШУМ» и др., в различных поэтических антологиях. Куратор «ЛитПроекта» РГГУ, организатор фестивалей университетской поэзии, главный редактор альманаха «День открытых окон».

Галина Рымбу (Омск – Москва). Родилась в 1990 г. Студентка ЛИ им. М.А. Горького. Шорт-лист премии «Дебют» (номинация «поэзия», 2010), финалистка премии «ЛитератураРентген» (2010). Участница различных фестивалей.

Егор Сальников (Москва). Родился в 1988 г. Выпускник ВГИК. Победитель Московского поэтического слэма (2010), финалист Всероссийского поэтического слэма (2011). Публиковался в альманахах «Истоки», «Новые Имена», «День открытых окон».

Сергей Сдобнов (Иваново). Родился в 1990 г. Учится в ЛИ им. А.М. Горького и в ИГХТУ. Участник VII международного фестиваля «Биенале поэтов», межрегионального фестиваля «Речет». Организатор фестиваля «Яблочный Спас» (Палех). Лонг-лист премии «Дебют» (номинация «поэзия», 2011).

Анастасия Сидорова (Москва). Родилась в 1989 г. Студентка МГУП им. И. Федорова. Член литературной студии «Полиграфомания». Победительница III Открытого турнира поэтов МГУП (2011). Публиковалась в альманахах «День открытых окон» и «Полиграфомания», в Интернет-журнале «Жанр».

Александра Соболева (Москва). Аспирантка МПГУ. Победительница поэтического конкурса «Пишь слову жизнь дана» (2002). Участвовала в XVII Фестивале верлибра в Москве, фестивале университетаской поэзии. Публиковалась в журналах «Крещатик», «Зинзивер», в альманахе «День открытых окон».

Анастасия Строкина (Москва). Аспирантка РГГУ. Лауреат фестиваля «Молодой литератор», участница форумов в Липках, Переделкино, фестивале верлибра, проекта Британского Союза по созданию книги новых переводов Блейка (2011) и др. Публикации в журналах «Нева», «Октябрь», «Вопросы литературы» и др.

Никита Сунгатов (Прокопьевск). Родился в 1992 г. Учитесь в ЛИ им. А.М. Горького. Публиковался в журнале «Новая реальность».

Ольга Туркина (Санкт-Петербург). Родилась в 1988 г. Выпускница СПбХУ им. Н.К. Рериха. Член литературных студий Г.С. Гампер, С.Г. Стратановского, «Меловая черта» И.Г. Кравченко. Выпускающий редактор журнала «Вокзал». Участница поэтического фестиваля «ГлаZс», фестивалей университетской поэзии в Москве, фестиваля верлибра в Санкт-Петербурге. Победительница конкурса одного стихотворения в Александро-Невской лавре (2009). Лауреат премии «Молодой Петербург» (2011). Публикации (стихи, проза, графика) в альманахах «Молодой Петербург», «Аврора», «День открытых окон», в журналах «Другие люди», «Парадный подъезд», «Второй Петербург», «Зинзивер», в сборниках «Заветная лира», «Рог Борея», «Четверг. Вечер» и др.

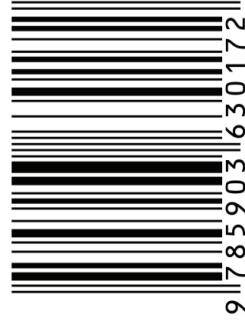
Юрий Угольников (Подольск). Родился в 1984 г. Выпускник РГГУ. Участник и один из организаторов первого международного поэтического фестиваля имени Н.С. Гумилева, участник фестиваля видеопэзии «Вентилятор», волошинского конкурса видеопэзии (в соавторстве с Ольгой Анауровой). Финалист литературной премии «Независимой газеты» «Нонконформизм» (2010). Публиковался, в основном как литературный критик, в журналах «Октябрь», «Новый мир», «Знамя», в Интернет-издании «Русский журнал» и на других Интернет-порталах, в газетах «Литературная Россия», «Независимая газета».

Артем Филатов (Нижний Новгород). Родился в 1986 г. Выпускник ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Аспирант ННГУ. Участник X и XI Форума молодых писателей России в Липках. Публиковался в журналах «Континент», «Дети Ра», в электронном журнале «Альтернатива», в «Новой газете» (нижегородский выпуск), в альманахе «Белый ворон» и др. Лонг-лист премии «Дебют» в номинации «Поэзия» (2009, 2010), лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2009, 2011).

Кирилл Широков (Нижний Новгород – Москва). Родился в 1990 г. Студент Московской консерватории. Участник и организатор различных музыкальных и кроссплатформенных проектов. Участник XVIII Фестиваля верлибра. Публикации на сайте «Полутона». Лонг-лист премии «ЛитератуРРентген» (2010).

День открытых окон 5

Стихи и переводы участников IV Московского
фестиваля университетской поэзии

Печ. л. 8,0. Тираж 300 экз.